

Кристофер Мур
На подсосе. История любви
Серия «Хвойная Бухта», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314548
Мур К. На подсосе: история любви: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62807-0*

Аннотация

Мур продолжает веселить читателя вампирскими романами — не кровавыми, как требует жанр, а невероятно забавными.

Мур создает собственное пространство, где обитают влюбленные вампиры, очаровательные вампирши, бритые коты в свитерах, дюжие парни, играющие в боулинг морожеными индейками, величественный Император Сан-Франциско со своей верной свитой — собаками Фуфелом и Лазарем. В созданный Муром мир категорически заказан вход тем, кто лишен чувства юмора. Тем же, кто способен оценить хорошую шутку, мы горячо рекомендуем эту книгу. Читайте, не пожалеете!

Содержание

Благодарности	5
1	6
2	11
3	12
4	18
5	23
6	28
7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кристофер Мур

На подсосе: история любви

Моим читателям — по заказу

Christopher Moore

YOU SUCK

Copyright © 2008 by Christopher Moore

© Немцов М., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Благодарности

Опять спасибо обычным подозреваемым: моему агенту Нику Эллисону, а также Саре Дикмен, Аридже Уэддл и Мариссе Маттео в агентстве «Николас Эллисон, Инк.»; Дженнифер Брел, Кейт Нинцел, Лисе Гэллахер, Майклу Моррисону, Майку Спрэдлину, Джеку Уомэку, Дебби Стер, Линн Грейди и всем моим друзьям в издательстве «Уильям Морроу»; и, разумеется, Чарли Роджерз за то, что мирилась с боулингом морожеными индюшками.

1

Тут многие померли, переживешь

— Коза, да ты меня убила! А это сосет!

Томми только что проснулся вампиром. Впервые в жизни. Девятнадцать лет, тощий, прежде существовал лишь в диапазоне между изумлением и смятением.

— Я просто хотела, чтоб мы были вместе. — Это Джоди — бледная, хорошенькая, на лицо свисают длинные рыжие волосы, носик мило торчит, вынюхивая растерявшиеся веснушки, широкая ухмылка, измазанная помадой. Сама она стала нежитью всего пару месяцев назад и еще толком не научилась никого пугать.

— Ага, и поэтому провела всю ночь вот с *ним*. — Томми показал в другой угол студии, где располагалась бронзовая статуя в человеческий рост — мужчина в драном костюме. Под бронзовым панцирем находился древний вампир, который и обратил в свое время Джоди. Рядом стояла еще одна статуя — уже самой Джоди. Когда эта парочка отрубилась на рас свете и уснула мертвым — буквально — сном, Томми перетащил их к скульпторам, жившим в цоколе их дома, и те покрыли вампиров бронзой. Томми надеялся, что так у него будет немного времени подумать и решить, что делать дальше. Ну и Джоди никуда не сбежит со старым вампиром. Ошибку он сделал одну — просверлил дырки в ушах статуи своей любимой, чтобы она могла его слышать. Но где-то посреди ночи, еще не забронзовев, старый вампир научил ее одному трюку — превращаться в туман. Она выползла из ушей в комнату — и вот пожалте: они тут оба, мертвые, влюбленные и сердитые.

— Мне нужно было узнать, что я такое, Томми. Ну а кто еще мне бы рассказал, если не он?

— Да, но могла бы и разрешения спросить, — ответил Томми. — Нельзя же просто убивать людей без предупреждения. Это черство. — Родом Томми был из Индианы, и мама воспитала его вежливым мальчиком. Всегда нужно думать о людях, учила она его.

— А ты занимался со мной сексом, пока я была без сознания, — сказала Джоди.

— Это другое, — сказал Томми. — То же было по дружбе — ну, как съешь квартал в чей-нибудь счетчик на парковке, пока человек отошел. И знаешь, что потом они это оценят, хоть и не скажут тебе спасибо.

— Ага, вот погоди — отключишься в пижаме, а проснешься весь липкий в юбочке чирлидерши. Посмотрим, как тогда ты будешь благодарен. Сам же знаешь, Томми, — когда я в отключке, я, считай, мертвая. И кто ты после этого?

— Ну... э-э... ага, но ты же даже не человек. Ты просто какая-то мерзкая падаль. — Томми немедленно пожалел о своих словах. Это было больно и подло, а Джоди, хоть и впрямь мертвая, на его взгляд, мерзкой совсем не была. Вообще-то он был вполне уверен, что влюблен в нее, — просто немного стеснялся всей этой некрофилии с чирлидершей. Дома, на Среднем Западе, о таком не говорили — ну если только собака не откапывала тампон у кого-нибудь на заднем дворе и полиция не обнаруживала целую пирамиду трупов под качелями.

Джоди шмыгнула носом — чисто для вида. На самом деле ей даже понравилось, что ее возлюбленный перешел к обороне.

— Ну так добро пожаловать в Клуб Мерзкой Падали, мистер Флад.

— И еще ты кровь мою пила, — сказал Томми. — Много.

Ч-черт, надо было заплакать.

— Ты мне сам разрешал.

— Опять-таки — не о себе думал. — Томми встал и пожал плечами.

— Ты мне разрешал только из-за секса.

— Это неправда — я разрешал тебе, потому что был тебе нужен. — Томми врал: все было только из-за секса.

— Да, и что? — сказала Джоди. — Ты мне по-прежнему нужен. — Она протянула к нему руки. — По правде.

Он подошел к ней и крепко обнял. На ощупь — изумительна, даже изумительнее прежнего. Словно все его нервные окончания выкрутили на одиннадцать.

— Ладно, я разрешал из-за секса.

«Здорово, — подумала Джоди. — Я снова контролирую ситуацию». Она поцеловала его в шею.

— А сейчас ты с этим как?

— Может, через минуту, я проголодался.

Томми выпустил ее из рук и ринулся через всю студию к кухне, а там выхватил из морозилки буррито, кинул в микроволновку и нажал на кнопку. Все это — одним, как говорится, плавным движением.

— Ты не захочешь это есть, — сказала Джоди.

— Фигня, он здорово пахнет. Будто каждая фасолина и кусок свинины по отдельности шлют мне свои восхитительные миазмы ароматного пара. — Томми употреблял такие слова, как «миазмы», потому что хотел стать писателем. Именно ради этого он и приехал в Сан-Франциско — поглощать жизнь огромными кусками и писать о ней. А, ну и еще — найти себе подругу.

— Положи буррито на место и отойди от него, Томми, — сказала Джоди. — Я не хочу, чтоб ты себе что-нибудь повредил.

— Ха, вот это мило. — Томми откусил побольше и ухмыльнулся ей, жуя.

Через пять минут Джоди помогала ему счищать недожеванный буррито с кухонной стены и холодильника — она чувствовала, что несет ответственность.

— Как будто каждая фасолина в отдельности идет на приступ врат репрессивного пищеварения у меня внутри и рвется на свободу.

— Ага, при повторной пережарке так обычно и бывает. — Джоди погладила его по голове. — Ты как?

— Жрать хочу. Мне нужно поесть.

— Ну, не сколько поесть...

— О боже мой! Какой голод. У меня будто все внутренности в себя проваливаются. Почему ты меня не предупредила?

Джоди знала, каково ему, — вообще-то когда подобное случилось с ней, было гораздо хуже. Но теперь она, по крайней мере, знала, каково ему.

— Ну да, миленький, нам с тобой придется как-то приспособиться.

— Так что же мне делать? Что вот ты делала?

— В основном кормилась тобой, помнишь?

— Надо было все продумать, прежде чем меня убивать. Мне пиздец.

— *Нам* пиздец. Обоим. Как Ромео и Джульетте, только про нас напишут продолжение. Весьма буквально, Томми.

— Ах как утешает. В голове не помещается, что ты меня так прикончила.

— И превратила тебя в суперсущество, на здоровье.

— Уй блин — у меня все новые кроссовки бурритой обсываны.

— Вот! Ты уже видишь в темноте, — бодро сказала Джоди. — Давай попробуем? Я разденусь догола. Ты можешь любоваться мной в темноте. Голой. Тебе понравится.

— Джоди, я от голода подыхаю.

Невозможно поверить, что он не отозвался на искушение наготой. Что же за чудовище она сотворила?

— Ладно, я тебе букашку найду или чего-нибудь.

— Букашку?! Букашку?! Не стану я тебе жрать никаких букашек.

— Я же сказала, надо будет приспособливаться.

Переехав на запад из родного городка Недержанье, штат Индиана, Томми вынужден был приспособливаться не раз. В немалой степени — из-за того, что нашел себе подругу. Та была умна, сексуальна и сообразительна — однако при этом пила кровь и имела склонность терять сознание точно в миг рассвета. Томми всегда подозревал, что она выбрала его лишь потому, что он работал по ночам, а днем мог свободно перемещаться по городу, — особенно с тех пор, как она призналась: «Мне нужен тот, кто работает по ночам, а днем может свободно перемещаться по городу». Но теперь, раз уж он сам стал вампиром, дверь к этой неуверенности можно закрыть и открыть другую — в целый мир неуверенностей, о которых он раньше и помыслить не мог. Подобающий возраст вампира — четыреста лет. Он должен устать от мира и быть существом изощренным. Его человечьи тревоги давно все преодолены либо развились в макабрические извращения. У девятнадцатилетнего вампира проблема в том, что все свои подростковые комплексы он тащит с собою во тьму.

— Я очень бледный, — сказал Томми, глядя на себя в зеркало ванной. Они уже установили, что вампиры-таки отражаются в зеркалах — равно как и терпят близость распятий и чеснока. (Томми проводил на Джоди эксперименты, пока та спала, — включая костюмы чирлидерш и гигиенические лубриканты.) — И не такой бледный, как зимой в Индиане. Я типа бледный, как ты.

— Ну, — подтвердила Джоди. — Я думала, тебе такая бледность нравится.

— Еще бы — на тебе она смотрится потрясно. А я выгляжу больным.

— Смотри пристальной, — посоветовала Джоди. Она опиралась о дверной косяк — в узких черных джинсах и полурубашке, а волосы собраны сзади и стекают по спине усмирным хвостом рыжей кометы. Она очень старалась не развлекаться за счет Томми.

— Чего-то не хватает, — произнес тот. — Помимо цвета, то есть.

— Ага. — Джоди усмехнулась.

— У меня же кожа чистая! Ни одного прыщика не осталось.

— Динь-динь-динь, — звукоподражала Джоди, показывая, что Томми угадал правильный ответ.

— Знай я, что так будет, давно попросил бы меня обратить.

— Давно я не умела, — ответила Джоди. — Это еще не все. Разуйся.

— Не понял. Это еще...

— Разувайся-разувайся.

Томми сел на край ванны и снял кроссовки и носки.

— Что?

— На пальцы посмотри.

— Прямые. Мизинец больше не гнутый. Будто я никогда и обуви не носил.

— Ты идеален, — сказала Джоди. Она вспомнила, как сама узнала про такую особенность вампиризма — и в какой восторг пришла. А также — в ужас: теперь в ней всегда будет пять лишних фунтов. Их всегда надо будет скинуть — они сохранятся на всю вечность.

Томми задрал штанину джинсов и присмотрелся к лодыжке.

— И шрама, куда я себя рубанул тесаком, больше нет.

— И никогда уже не будет, — сказала Джоди. — Ты навсегда останешься идеальным, вот как сейчас. У меня вот даже волосы больше не секутся.

— Я всегда буду таким же?

— Да.

— Как сейчас?

— Насколько мне известно, — сказала Джоди.

— Но я собирался записаться в спортзал. Я качаться хотел. Чтоб стальные мышцы на животе.

— Никуда ты не собирался.

— Собирался. Я хотел стать офигительным шматом мускулистого мужского мяса.

— Нет. Ты хотел быть писателем. Ты собирался иметь ручки-спички и запыхиваться, если придется больше трех раз подряд стукнуть по клавише «стереть». А в отличной форме ты потому, что работал в магазине. Вот погоди — увидишь еще, как ты бегаешь.

— Ты правда считаешь, что я в отличной форме?

— Да, и мне кажется, я это ясно дала понять.

Томми раздул перед зеркалом грудь, которой под фланелевой рубашкой вообще не было видно. Расстегнул рубашку и повторил процедуру — без видимого успеха. Пожал плечами.

— Ну а с писательством что? У меня мозги навсегда такие же останутся? В смысле, я стану умнее, или это теперь тоже в заморозке?

— Ну, это из-за того, что ты мужчина, а не потому, что вампир.

— Злобная гарпия.

— По-моему, я выразилась четче некуда, — сказала она.

Джоди надела красную кожаную куртку, хотя от холодного тумана с Залива больше не зябла. Ей просто нравилось, как та смотрится с черными джинсами и кофточкой с низким вырезом и черным кружевом, которую она спасла из магазина «Нордстром», пока ее не оторвала себе какая-нибудь шлюха.

— Пойдем, Томми, надо поискать тебе какой-нибудь еды, пока у нас ночь не кончилась.

— Я знаю, но мне кое-что сделать нужно. Минутку, ладно? — Он снова скрылся в ванной, только на сей раз закрыл дверь.

Джоди услышала, как расстегивается молния на джинсах — и тут же раздался придушенный мужской вопль. Дверь ванной распахнулась. Оттуда вывалился Томми — штаны и трусы на лодыжках — и в два кроличьих прыжка одолел спальню.

— Ты посмотри! Что со мной происходит? Ты только посмотри! — Он одержимо показывал на собственный пенис. — Я будто какой-то радиоактивный уродский мутант.

Джоди подошла и схватила его за руки, придержала, посмотрела прямо в глаза.

— Томми, успокойся. Это просто твоя крайняя плоть.

— У меня нет крайней плоти! Я обрезан.

— Уже нет, — сказала Джоди. — Очевидно, что когда ты обратился, она снова отросла. Так же, как выпрямились у тебя пальцы на ногах, как исчезли все шрамы.

— О! Значит, это не жуть, по-твоему?

— Нет. Все в порядке.

— Хочешь потрогать?

— Спасибо. Давай потом.

— Ой, прости, что запсиховал. Я не сообразил. Я... э-э... мне по-прежнему кажется, я должен там закончить то, что собирался.

— Все хорошо, — сказала Джоди. — С тобой вообще все хорошо. Иди заканчивай. Я подожду.

— Ты уверена, что не хочешь быстренько потрогать?

— Если потрогаю, ты гарантируешь, что мы отсюда выйдем?

— Наверное, нет.

— То-то же. Вали в ванную. — Она развернула его за плечи и мягко подтолкнула. Томми кроликом пропрыгал вместе с новообретенной крайней плотью обратно в ванную и закрыл дверь.

Джоди содрогнулась от стука двери. Она вовсе не думала, сохранится ли после превращения у Томми его непреходящая ебливость, — ей просто хотелось спутника, который бы понимал, каково ей, какая она, как выглядит мир глазами вампира. Если выяснится, что ему навеки девятнадцать, видимо, придется убить его по-настоящему.

2

Последняя куча

- И все?
- Ну.
- Никогда больше?
- Не-а.
- Вообще?
- Угу.
- Наверное, на память стоит оставить.
- Смывай давай да выходи уже оттуда.

3

Я беден, а кот мой огромен

Джоди шагала, чуть приотстав от Томми, и просто наблюдала за ним. Они шли по Третьей улице к Маркет. Джоди смотрела, как Томми отзывается на свои новые чувства: пускай хорошенько оботрется, — шепотом подсказывала, что именно он сейчас переживает. Она прошла через это всего пару месяцев раньше — причем без проводника.

— Я вижу тепло от фонарей, — говорил Томми, задирая голову и кружась на месте. — И все окна во всех домах разные по цвету.

— Пытайся смотреть на что-нибудь один за раз, Томми. Не давай ничему себя ошарашить. — Джоди ждала, когда он заметит ореолы, витающие над каждым человеком. То было не тепло — скорее жизненная сила. Пока им встречались только здоровые, красные и розовые, а не то, на что она рассчитывала.

— Что это за шум? Будто вода течет? — спросил Томми.

— Канализация под улицей. Все это со временем сотрется — то есть ты по-прежнему будешь это слышать, но перестанешь замечать, если не сосредоточишься.

— У меня в голове словно тысячи людей разговаривают. — Томми оглядел несколько прохожих на улице.

— Радио и телевизоры тоже слышно, — сказала Джоди. — Старайся сосредоточиться на чем-то одном, а остальное пусть будет фоном.

Томми остановился и посмотрел на окно квартиры на четвертом этаже.

— Вон там у мужика секс по телефону.

— Так и знала, что ты обратишь внимание, — сказала Джоди и сама сосредоточилась на этом окне. Да, парень и впрямь пыхтит и кого-то инструктирует по телефону. Очевидно, полагает, что абонент — грязная шлюха, а оттого считает необходимым применять к ее телу разные сорта горячей сальсы. Джоди попробовала расслышать голос у него в трубке, но тот был слишком слаб: должно быть, мужчина надел наушники.

— Ну и урод, — произнес Томми.

— Тш-шш, — сказала Джоди. — Томми, закрой глаза и послушай. Ну его, с этой сальсой. Не смотри.

Томми послушно закрыл глаза и остановился посреди тротуара.

— Чего?

Джоди оперлась на знак «Парковка запрещена» и улыбнулась.

— Что от тебя справа?

— Откуда я знаю? Я ж не смотрю.

— Понимаю. Но сосредоточься. Прислушайся. В двух шагах от твоей правой руки — что?

— Чепуха какая.

— А ты послушай. Какой формы звуки доносятся справа?

— Ладно. — Томми зажмурился изо всех сил, изображая сосредоточенность.

Мимо шли два студента-андрогина — все в черном и с непреклонными прическами. Вероятно, из Художественной академии в соседнем квартале. Они едва удостоили Томми взглядом, — пока тот не заговорил:

— Я слышу ящик. Прямоугольный.

— Щегол кислотный, — сказал один студент, который по звуку мог оказаться парнем.

— Помню свой первый трип, — сказал другой, который, вероятно, был девушкой. — Захожу в мужской туалет в «Метреоне», а такое чувство — что прямо в инсталляцию Марселя Дюшана¹.

Джоди дождалась, пока они пройдут, и спросила:

— Да, прямоугольное, твердое, пустое — что это? — У нее от восторга чуть кружилась голова, и она переминалась с пятки на носок от нетерпения. Даже лучше, чем туфли покупать.

— Точно пустое. — Томми склонил голову набок. — Это газетный автомат. — Он открыл глаза и посмотрел на газетный автомат, потом — на Джоди, и лицо у него осветилось, как у малыша, только что открывшего для себя шоколад.

Джоди с размаху обняла его и поцеловала.

— Мне тебе столько всего нужно показать.

— Почему ты мне раньше не говорила? — спросил Томми.

— Как я могла? У тебя вот есть слова для того, что ты слышишь? Что ты видишь?

Томми выпустил ее из рук и огляделся. Втянул носом воздух — словно проверял, какой у вина букет.

— Нет. Я не знаю, как все это сказать.

— Вот видишь, потому мне и нужно было с тобой всем этим поделиться.

Томми кивнул, но вид у него при этом был несколько унылый.

— С этой стороны все хорошо. А вот с другой...

— Какая еще другая сторона?

— Мерзкая, дохлая и кровососущая. Я по-прежнему жрать хочу.

— Не ной, Томми. Нытики никому не нравятся.

— Куу-шать.

Джоди знала, каково ему, — ей и самой было так же, только она не понимала, как ей решить проблему кормежки. За кровью она всегда обращалась к Томми — теперь же им обоим нужно охотиться. Она это умела, она это делала, но ей этого не хотелось.

— Пойдем, что-нибудь придумаем. Не капризничай. Посмотрим на людей на Маркет-стрит. Тебе понравится.

Джоди взяла его за руку и потащила за собой к Маркет, по которой взад-вперед текли реки туристов, покупателей и всяких уродов. Реки крови.

— От всех воняет дрычком и ногами, — произнес Томми, стоя на тротуаре перед аптекой «Уолгринз». Вечер по-прежнему был ранний, и по тротуарам толпами валила публика со съездов и из отелей, словно огромное мигрирующее стадо. Все искали прокорм и водопой. По краям потока удочки забрасывали сутенеры, бездомные и тусовщики — наводили секретную связь между встречей взглядами и кошельком. Стадо же оборонялось, преданно внимая своим спутникам, мобильным телефонам или точкам на тротуаре в двенадцати шагах впереди.

— Ноги и ссаки, — продолжал Томми.

— Привыкнешь, — сказала Джоди.

— Где-нибудь на этой улице найдется хоть одна чистая пара белья? — крикнул Томми. — Люди, вы отвратительны!

— Поспокойней, а? — произнесла Джоди. — На тебя смотрят. Думают, ты чокнутый.

— И отличаюсь от них — чем?

¹ Марсель Дюшан (1887–1968) — французский художник, дадаист и сюрреалист. Имеется в виду приписываемая ему инсталляция «Родник» (1917), представляющая собой писсуар на пьедестале. — Здесь и далее прим. переводчика.

Джоди окинула взглядом улицу. Та просматривалась на три квартала в обе стороны и в каждом человека по три зло орала на прохожих, дико тарасились и, совершенно точно, были вольтануты. Томми прав, но Джоди все равно схватила его за ворот рубашки и пригнула ухом к себе.

— Разница в том, что ты уже не живой, а привлекать внимание к такому состоянию неразумно.

— Именно поэтому ты выбрала этот восхитительный ансамбль из особенной блядской коллекции Шлюхи-в-Шмотках?

— Ты же сказал, что тебе нравится. — Став вампиром, Джоди начала одеваться провокационнее — но она считала это выражением уверенности в себе, отнюдь не средством привлечь внимание. Это в ней от хищника? От опьянения властью?

— Сказал. Мне и нравится, но все прохожие парни пялятся тебе в декольте. Я слышу, как у них учащается пульс. Чтобы в эти джинсы влезть, ты превращалась в туман? Правда же?

Томми похлопали по плечу. Сзади к нему подкрался молодой человек в белой парадной рубашке с коротким рукавом и черном галстуке и протянул брошюрку.

— Похоже, у тебя неприятности, брат. Может быть, это поможет.

На своей обложке брошюрка объявляла крупными зелеными буквами: «ВОЗРАДУЙТЕСЬ!»

Джоди прикрыла рот ладошкой и отвернулась, чтобы парень в галстуке не заметил, как она хихикает.

— Что?! — развернулся Томми к парню. — Что? Что? Что? Ты не видишь, я пытаюсь обсудить с моей подругой эти... вот эти вот... — Томми показал на плечо Джоди, где только что были вот эти вот. — Покажи ему, Джоди.

Но та покачала головой и отошла. Плечи у нее тряслись от хохота.

— Тут послание, — сказал парень в галстуке. — Оно может тебе принести утешение. И радость.

— Ну да, я образец того же самого пытался тебе показать, только она унесла их с собой.

— Но эта радость превыше физического...

— Ага, можно подумать, ты в этом смыслишь, — ответил Томми, зажимая себе нос и прикрывая рот ладонью, словно собирался чихнуть. — Слушай, старина, было бы приятно все это с тобой обсудить, но сейчас тебе самое время ПОЙТИ ДОМОЙ И ВЫМЫТЬ СЕБЕ ЖОПУ! От тебя воняет так, будто себе в зад ты скотобойню загрузил!

Томми отвернулся и зашагал за Джоди следом, а парень в галстуке остался на месте — краснеть и комкать брошюрку.

— Не смешно, — произнес Томми.

Джоди очень старалась не расхохотаться, а потому лишь фыркнула.

— А по-моему — очень.

— Неужели они не сознают, что прокляты? Судя по их виду, очень на то похоже. По крайней мере, ты-то видишь. Мы же все прокляты, верно?

— Понятия не имею, — ответила Джоди. Об этом она вообще-то не думала.

— Старик во вводном курсе по вампирству этого не касался?

— Забыла спросить.

— Не беда, — сказал Томми. — Мелкая деталь. Больше ничего ты не забывала спрашивать?

— Я думала, у нас будет больше времени — ну, на разработку темы, — ответила Джоди. — Я ж не думала, что человек, которого я люблю, в первую же ночь закатает нас в бронзу.

— А... ну, это. Да. Ладно. Извини.

— Где ж тут доверие? — спросила Джоди.

— Ты меня убила, — ответил Томми.

— Ну вот, снова здорово.

— Люди, прошу вас. Мне нужен доллар, — раздался голос слева. Джоди опустила голову: у гранитной стены закрытого банка сидел мужик. Грязен он был так, что ни возраста, ни расовой принадлежности не разобрать, аж светился весь от копоти, а на коленях у него лежал огромный косматый кот. Перед ними на тротуаре стояла чашка, а рядом — написанная от руки на картонке табличка: «Я БЕДЕН, А КОТ МОЙ ОГРОМЕН».

Томми, который в городе еще не очень прижился и пока не научился глядеть мимо такого, остановился и принялся рыться в карманах.

— Да, котик у вас и впрямь ого-го.

— Ну. И жрет он столько же. Я больше никак не могу его прокормить.

Джоди пихнула Томми под ребра, направляя его обратно в людской поток. Ей нравилось, что он парнишка добрый, но иногда это очень раздражало. Особенно когда она пыталась втолковать ему всю глубину того, как надо быть ищадем ночи.

— Хотя у него в основном шерсть, верно? — уточнил Томми.

— Мистер, этот кот весит тридцать пять фунтов.

Томми присвистнул и дал мужику доллар.

— Можно погладить?

— Конечно, — ответил бродяга. — Ему без разницы.

Томми встал на колени и мягко потыкал в кота, потом взглянул снизу на Джоди.

— Огромный какой кот, а?

Она улыбнулась:

— Огромный. Пойдем.

— Погладь, — сказал Томми.

— Нет, спасибо.

— Так а чего, — спросил Томми у мужика, — вы его в приют не отдадите или еще куда?

— А чем мне тогда на жизнь зарабатывать?

— Можно написать на картонке: «Я беден и только что потерял огромного кота». На меня бы подействовало.

— Вероятно, вы — не лучший пример, — сказал мужик с котом.

— Послушайте, — произнес Томми, вставая и принимаясь шарить по карманам. — Я куплю у вас кота. Дам вам, э-э, сорок...

Мужик с котом покачал головой.

— Шестьдесят...

Голова закачалась непреклонней.

Томми отслоил купюры от скатки, которую вытащил из кармана.

— Сто...

— Нет.

— И тридцать... два...

— Нет.

— И тридцать семь центов.

— Нет.

— И еще скрепку.

— Нет.

— Отличное же предложение, — стоял на своем Томми. — По четыре доллара за фунт, а?

— Нет.

— Ну и на фиг вас тогда, — сказал Томми. — Не жалко мне ни вас, ни огромного кота вашего.

— Доллар не верну.

— И отлично! — сказал Томми.

— И отлично! — сказал мужик с котом.

Томми взял Джоди под руку и повел ее прочь.

— Ну и огромный же кот, — сказал он.

— Ты зачем хотел его купить? Нам в студии домашних животных не полагается.

— Тю, — ответил Томми. — Ужин.

— Фу.

— Полумера, — пояснил Томми. — Знаешь, масаи в Кении пьют кровь своего скота без видимого ущерба для коров.

— Я уверена, мы нарушим договор аренды, если поселим там корову.

— Вот оно.

— Оно — что?

— Аренда.

Томми вихрем развернул ее и снова подтащил к мужику с котом.

— Я хочу взять вашего кота в аренду, — сказал он. — Вам передышка не мешает, а я хочу показать такого огромного кота моей тетушке. Она инвалид и спуститься сюда не сможет.

— Нет.

— Прокат всего на ночь. Сто тридцать два доллара и тридцать семь центов.

Мужик с котом вздернул бровь, и сажа у него над этим глазом дала трещину.

— Сто пятьдесят.

— У меня нет ста пятидесяти, при вас же считал.

— Тогда посмотреть сиськи у рыжей.

Томми глянул на Джоди, опять на мужика с котом, потом опять на Джоди.

— Нет, — спокойно сказала Джоди.

— Нет! — с негодованием воскликнул Томми. — Как вы смеете предлагать подобное?

— Одну сиську, — уступил мужик с котом.

Томми посмотрел на Джоди. Она в ответ глянула до того невинно и зеленоглазо, что описать это можно было б только как «Я тебе покажу, где такие раки зимуют, что целой бригаде хирургов придется тебе задницу вместе с ними ампутировать».

— Дудки, — сказал Томми. — Сиськи рыжей в сделку не входят. — Он торжествующе ухмыльнулся и посмотрел на Джоди — и тут же отвернулся, очень быстро.

Мужик с котом пожал плечами.

— Мне залог какой-нибудь нужен. Права, например...

— Это пожалуйста, — ответил Томми.

— И кредитка.

— Нет, — сказала Джоди, застегивая куртку по самое горло.

— Только без извратов, — сказал мужик с котом. — Я узнаю.

— Тетушке покажу, только и всего, а верну завтра в то же время.

— Договорились, — сказал мужик. — Зовут Четом.

— Ты первая, — сказал Томми. Они стояли в большой комнате по обе стороны футона, на который активно линял громадный кот — помесь персидского, половой тряпки и, вероятно, водяного буйвола. Томми решил, что со всем этим кровопитием поведет себя хладнокровно, хотя взвинчен был так, что хоть по стенам вверх-вниз бегай. Вообще-то он не был уверен, что и впрямь не сумеет бегать вверх-вниз по стенам. Это его среди прочего и нерви-

ровало. Но все равно, приехав несколько месяцев назад в Сан-Франциско, он слишком много времени тратил на чрезмерные реакции, поэтому теперь он так не поступит — по крайней мере, перед своей девушкой. Он будет хладнокровен. Если получится.

— Первым надо тебе, — ответила Джоди. — Ты еще никогда не питался.

— Но ты же дала старому вампиру своей крови, — сказал Томми. — Тебе нужнее. — Это правда, она вампира накормила, чтобы у него побыстрее зажили раны, которые ему нанесли Томми и его друзья, когда взорвали его яхту и так далее. Но он все равно надеялся, что она еще раз откажется.

— Нет-нет, только после вас, — ответила Джоди со скверным французским акцентом. — Я настаиваю.

— Ну, коли так...

Томми подскочил к футону и нагнулся над громадным котом. Он не очень понимал, как приступить, но вокруг Чета витал красный ореол здоровой жизни, и Томми слышал, как бьется кискино сердце. У него в голове что-то затрещало, словно в слуховом канале зачпокали пузырьками упаковки, в нёбо изнутри что-то уперлось — болезненно — и опять затрещало. Томми почувствовал, как другое что-то у него во рту подается, и в нижнюю губу ему вонзились два острия. Он отстранился от кота и ухмыльнулся Джоди, а та взвизгнула и отскочила.

— Клыки ошчрые, — сказал Томми.

— Да, я вижу, — подтвердила она.

— А чего чы ошчочила? Дурачьки шмочрячча?

— От неожиданности, вот и все. — Джоди отвернулась от него, как от дуговой сварки или полного затмения, словно зрительный контакт с ним приводит к слепоте. И замахала на него рукой: — Давай, давай, давай. Только осторожней. Не слишком жестко.

— Ага, — сказал Томми и ухмыльнулся опять. Джоди отпрянула снова.

Томми повернулся к футону и взялся за кота поудобнее. Того, казалось, процесс нервирует гораздо меньше, чем двух вампиров в комнате. Томми укусил.

— Фяпп, фяпп, чьфук! — Он вскочил на ноги, выронив кота, и принялся счищать с языка кошачью шерсть. — Чьфу чы!

— Стой тихо. — Джоди подошла и принялась снимать у него с лица мокрые кошачьи волосины. Потом сходила в кухонный угол и вернулась со стаканом воды и бумажным полотенцем, которым протерла Томми язык. — Водой только полощи. Не глотай. Она в тебе все равно не удержится.

— Я не фобираюшь глочачь, у меня во гчу полно кофачьей шегшчи.

Когда удалось наконец все выплюнуть, Джоди выбрала у Томми изо рта оставшиеся волоски — и при этом случайно уколола палец о его правый клык.

— Ай! — Джоди выхватила палец и сунула себе в рот.

— Ухх чыыы, — произнес Томми. Вытащил ее палец у нее изо рта и сунул в свой. Глаза у него закатились, и он застонал носом.

— О, это вряд ли, — сказала Джоди. Схватила его за руку и впилась в нее под локтем — как прилипала в акулу.

Томми зарычал, развернул ее и бросил ничком на футон, но руки изо рта не выдернул. Джоди откинула с лица волосы, а он впился ей в шею. Джоди завопила, но вопль вышел приглушенно — пузырьками крови у Томми на руке. Огромный Чет зашипел и опрометью кинулся через всю комнату в спальню, где забился под кровать. Студию наполнили скрип натянутой красной кожи, треск рвущейся джинсы и рев хищников.

Огромный кот совершенно не уловил иронию: все это походило на обычную кошачью драку.

4

Красный, белый и весь мертвый

Набивка из растительного пуха и куриные перья мохнатыми сугробами покрывали всю комнату. Среди них затерялись лоскутья одежды, покрытия futона, клочья ковра из шкуры маппета и раздавленные детали пары дрянных бумажных абажуров с «Пирса 1». Искрили голые провода над стойкой, где некогда маятниками висели светильники. Студия выглядела так, точно кто-то швырнул ручную гранату в оргию плюшевых медвежат и у выживших сдуло всю шкуру.

— Да, раньше все было не так, — произнесла Джоди, толком не отдышавшись. Она лежала поперек кофейного столика, глядя в окно, где под углом вверх тормашками раскачивался уличный фонарь. Из одежды на ней был лишь рукав красной кожаной куртки. С макушки до пят она была вымазана кровью, но прямо на глазах у Томми царапины и укусы затягивались.

— Если б знал, — сказал Томми, — давно бы себе отрастил крайнюю плоть. — Он лежал в другом углу комнаты на куче книг и щепок, которые раньше были стеллажом. Ровно туда Джоди его и кинула, и он тоже был весь в крови, исцарапан и одет в единственный носок.

Вынимая щепку от книжной полки размером с карандаш у себя из бедра, Томми подумал: наорав на Джоди за то, что она превратила его в вампира, он, конечно, несколько поторопился. Хотя запомнилось не очень многое, он был почти уверен — то был поразительнейший секс в его жизни. Очевидно, читанное где-то про то, что вампирский секс — преимущественно кровопитие, а больше ничего, — еще один миф, вроде превращения в летучую мышь и неспособности переходить текущую воду.

— А ты знала, что будет? — спросил Томми.

— Понятия не имела, — ответила Джоди, не слезая с кофейного столика. С каждой минутой она все больше напоминала Томми жертву убийства, хотя разговаривала и улыбалась. — Сначала я хотела, чтоб ты угостил меня ужином и сводил в кино.

Томми кинул в нее кровавой щепкой от стеллажа.

— Я не про то спрашиваю. Не знала ли ты, что мы этим займемся, а знала ли ты, что будет так?

— Откуда мне было это знать?

— Ну, может, после той ночи со старым вампиром...

Джоди резко села.

— Я его не *окучивала*, Томми, я просто провела с ним ночь, чтобы узнать, как быть вампиром. И зовут его Илия.

— Ах, так вы уже с ним на ты.

— Ради всего святого, Томми, прекрати думать. А то берешь изумительное переживание и высасываешь из него все живое.

Томми поерзал на руинах и начал было дуться — но поморщился: вместо того, чтобы оттопыриться, нижняя губа зацепилась за клык. Джоди права. Он всегда такой был — всегда слишком много думал, избыточно анализировал.

— Извини, — сказал он.

— Сейчас тебе просто надо быть частью мира, — тихо сказала Джоди. — Нельзя все сводить к категориям, отделять себя от переживания и нахлобучивать на него слова. Как в песне поется: «Пусть будет».

— Извини, — повторил Томми. Он попробовал вытолкнуть мысли из головы, закрыл глаза и прислушался к биению сердца. С другого края комнаты до него донесся стук сердца Джоди.

— Все хорошо, — сказала она. — От такого секса и впрямь иногда требуется вскрытие. Томми улыбнулся, не открывая глаз.

— Образно говоря.

Джоди встала и подошла к нему. Протянула руку поднять на ноги.

— Только осторожней, у тебя затылок как бы в гипсокартоне застрял.

Томми повернул голову и услышал, как потрескивает штукатурка.

— Я по-прежнему хочу есть.

Она подняла его на ноги.

— Я и сама немного обессилела.

— Мой косяк, — сказал Томми. Теперь он припоминал: ее кровь, пульсируя, лилась в него, а его в то же время текла в нее. Он потерял плечо, где еще не зажили укусы ее клыков.

Джоди поцеловала ему это место.

— Будет заживать быстрее, когда выпьешь свежей крови.

Томми больно скрутило живот — будто бы внезапным спазмом.

— Мне очень надо поесть.

Джоди завела его в спальню, где в угол вжимался огромный кот Чет. Он безуспешно прятался за плетеной корзинкой.

— Погоди, — сказала Джоди. Она прошлепала обратно в большую комнату и почти тут же вернулась в том, что осталось от красной кожаной куртки (теперь скорее — жилет), и трусиках. Их приходилось с одного боку придерживать там, где порвали. — Извини, — сказала она. — Мне не очень комфортно ходить голой перед посторонними.

Томми кивнул.

— Только он не посторонний, Джоди. Он ужин.

— Ага, ага. — Она качала головой и кивала одновременно — так, что смахивала на окровавленного болванчика. — Иди первый. Ты у нас новенький.

— Иди? А ты разве не умеешь такой сверхъестественный гипноз, чтобы он сам к нам пришел?

— Не-а. Давай, тащи его. Я подожду.

Томми посмотрел на нее. На потеки крови, что исчерчивали ее бледную кожу, налипли клочья обивки футона, а в волосах был куриный пух из одной взорвавшейся подушки. У него самого к ногам пристали перья и кошачья шерсть.

— Знаешь, нам его сначала придется побрить?

Джоди кивнула, не сводя глаз с огромного кота.

— Может, сперва в душ?

— Хорошо придумала. — Томми обхватил ее рукой.

— Только мыться. Без секса!

— Почему? Мы уже просрали депозит за уборку.

— Двери душевой кабинки — стеклянные.

— Ладно. Тогда я давай вымою тебе...

— Нет, — твердо сказала она. Взяла его за руку и поволокла в ванную.

Выяснилось, что сверхчеловеческие вампирские силы очень впору, если нужно побрить кота весом тридцать пять фунтов. После парочки фальстартов, когда приходилось гоняться за огромным котом Четом в пене для бритья по всей студии, они убедились в ценности нового парикмахерского орудия — монтажной ленты. Из-за нее, правда, не удалось побрить ему лапы. Когда Томми и Джоди все закончили, Чет походил на пучеглазого брю-

хастого проточеловека в космических сапогах, отороченных мехом. Кошачий плод любви между Горлумом и домашним эльфом Добби.

— Не уверен, правда, что стоило брить его целиком, — сказал Томми, сидя на кровати рядом с Джоди. Они рассматривали связанного бритого Чета, лежавшего перед ними на полу. — Выглядит он жутко.

— Довольно-таки, — согласилась Джоди. — Лучше пей, а то у тебя раны не затягиваются. — У нее самой все царапины, синяки, засосы и любовные укусы совершенно исчезли — остались только хлопья пены кое-где в волосах. Джоди была совсем как новенькая.

— Как? — спросил Томми. — Откуда мне знать, куда его кусать надо?

— Попробуй в шею, — посоветовала Джоди. — Только сначала как бы нащупай вену языком, а потом уже кусай. Только не сильно. — Она пыталась давать инструкции уверенно, однако территория для нее была такой же неисследованной, как и для него. Ей нравилось учить Томми начаткам вампиризма — как раньше нравилось учить его вести себя повзрослому и по-человечески. От этого Джоди себе казалась изощренной и на коне, и после целой череды молчелов, для которых она была не более чем аксессуаром, мешающим стилю жизни, — от хеви-металлических анархистов до яппи из финансового района, — задавать тон в отношениях ей для разнообразия нравилось. Но все же, когда дело дошло до уроков кормления животными, просто крыльями махать не выходило, хоть в летучую мышь обращайся. Она сама присматривалась к животным как к корму единственный раз — когда Томми принес ей двух здоровенных каймановых черепах из Чайнатауна. Тогда она даже не смогла себя заставить укусить бронированных рептилий. Томми окрестил их Скоттом и Зелдой, но это не помогло. Теперь Зелда работала садовой скульптурой на Тихоокеанских Высотах, а Скотт был отлит в бронзе и стоял рядом со старым вампиром в большой комнате. Скульпторы-мотоциклисты из мастерской снизу покрыли обоих металлом, отчего у Томми вообще зародилась мысль превратить Джоди и вампира в статуи.

— Ты уверена, что это ничего? — спросил Томми, склоняясь над огромным бритым котом Четом. — То есть ты же сама говорила, что мы должны охотиться только на больных и слабых, у кого черные ореолы. У Чета аура розовая и чистенькая.

— С животными все иначе. — Джоди понятия не имела, что именно с животными иначе. Однажды она съела мотылька, целиком — выхватила из воздуха и проглотила, даже не задумавшись. Теперь же поняла, что у Илии следовало выспросить побольше, пока была такая возможность. — А кроме того, ты ж не собираешься его убивать.

— Точно, — сказал Томми. Он приложился губами к кошачьей шейке. — Воч чак?

Джоди пришлось отвернуться, чтобы не расхохотаться ему в лицо.

— Да, вот так отлично смотрится.

— У него vkуч кьема для бьичья.

— Пей уже, — сказала Джоди.

— Очхор. — Томми укусил и тут же застонал. Но не от наслаждения — скорее как человек, прилипший языком к лотку со льдом в морозилке. Чет же никаких признаков волнения странным образом не показывал — лежал спокойно и даже не рыпался в своих оковах клейкой ленты. Может, вампирская власть над жертвами и не совсем враки, подумала Джоди.

— Ладно, хватит, — сказала она.

Томми покачал головой, не отрываясь от огромного бритого кота.

— Томми, отпусти. Надо что-то оставить.

— Нье-ух, — ответил тот.

— Хватит сосать кота, Томми, — строго сказала Джоди. — Я не шучу. — Она, конечно, шутила, но совсем чуть-чуть.

Томми глубоко и прерывисто задышал, кожа его приобрела легкий оттенок. Джоди оглянулась: чем бы привлечь его внимание? На тумбочке заметила вазу с цветами.

Вытащила цветы и выплеснула воду на Томми и кота. Томми не отрывался. Кота передернуло, но впрочем он остался недвижим.

— Ну ладно, — сказала Джоди. Ваза была тяжелая, керамическая — Томми купил ее для какого-то извинительного букета, прихваченного из магазина, где он работал. Он в этом смысле такой — иногда приносил извинительные букеты, хотя извиняться покамест было не за что. Ну в самом деле, чего еще можно ждать от парня? Вот поэтому Джоди сбросила скорость движения руки до половины, широкой дугой залепляя Томми вазой в лоб. Он отлетел шагов на шесть. Громадный бритый кот Чет взвыл. Ваза чудом не разбилась.

— Спасибо, — сказал Томми, стирая кровь с губ. Во лбу у него остался серп отпечатка, но он быстро зарастал и сглаживался.

— Не за что, — ответила Джоди, не сводя глаз с вазы. «Отличная ваза», — подумала она. Элегантный хрупкий фарфор отлично годится для горки коллекционера или чайного сервиза, но девушка, располагающая нуждой в нанесении кому-либо увечья, неожиданно осознает ценность крепкой керамики.

— На вкус — кошачья отрыжка, — сказал Томми, показав на Чета. Ранки от клыков Томми уже затянулись у него на шее. — Так и надо?

Джоди пожала плечами.

— А какова на вкус кошачья отрыжка?

— Как запеканка из тунца, которую на неделю оставили на солнышке. — Будучи родом со Среднего Запада, Томми полагал, что весь мир должен знать вкус тунцовой запеканки. Джоди же, родившись и вырастая в Кармеле, штат Калифорния, знала, что это блюдо едят вымершие народы, которых показывает «Ник по ночам»².

— Мне кажется, я тогда пас, — сказала Джоди. Она была голодна, но не до кошачьей отрыжки. Джоди не очень понимала, как ей самой быть с кормежкой. Уже не получится питаться одним Томми, и каковы бы ни были тяга и ощущение того, что она оказывает природе услугу, выбирая только слабых и больных, хищно охотиться на людей ей не нравилось — по крайней мере, на чужих. Ей необходимо подумать, прикинуть, какова у них с Томми будет новая жизнь. После того, как Томми с друзьями вывели из строя старого вампира, все происходило слишком уж быстро. Она сказала: — Сегодня надо вернуть Чета хозяину, если успеем. Права же ты терять не хочешь, а нам может пригодиться законное удостоверение личности. Чтобы снять новую квартиру.

— Новую?

— Мы должны переехать, Томми. Я сказала инспекторам Ривере и Кавуто, что уеду из города. Не думаешь, что они могут проверить? — Два следователя из убойного отдела по цепочке мертвых тел вышли на старого вампира и обнаружили деликатное состояние Джоди. Она дала им слово, что если их всех отпустят, она уедет из города и заберет старого вампира с собой.

— А, ну да, — сказал Томми. — Это значит, что и в «Безопасный способ» я на работу не вернусь?

Он же не дурак — она знала, что он не он, отчего ж тогда он так тормозит и не замечает очевидного?

— Нет, мне кажется, это было бы неразумно, — сказала Джоди. — Коль скоро ты намертво отключаешься с первым лучом солнца, точно как и я.

— Да, это унижительно, — сказал Томми.

— Особенно когда этот первый луч попадет на тебя и всего испепелит.

— М-да, у фирмы против такого должна быть особая политика.

Джоди завопила от бессилия.

² «Nick at Nite» (с 1985 г.) — американский ночной кабельный развлекательный канал.

— Хсспади, да я шучу, — сказал Томми и поморщился.

Джоди вздохнула, осознав, что он ее разыгрывает.

— Одевайся, кошачья отрыжка, надо пользоваться темнотой, пока есть. Нам нужна помощь.

А в большой комнате вампир Илия бен Шапир пытался сообразить, что именно творится вокруг. Он знал, что его куда-то заперли — запечатали в некоем сосуде, и это некое совершенно несдвигаемо. Он даже обратился в туман — что несколько облегчило тревожность, ибо такой форме соответствовало эфирное состояние рассудка и для нее требовалась отдельная сосредоточенность, не позволявшая просто обалдело расплываться куда угодно. Но бронзовая скорлупа была герметична. Вампир слышал, как они разговаривают, но реплики мало что ему сообщили, помимо того, что птенчик его предала. Он сам себе улыбнулся. Что за глупый человеческий порок — позволять надежде восторжествовать над разумом. Следовало это понимать.

Голод охватит его лишь через много дней, но даже с ним, не двигаясь, он может выдерживать без крови сколько угодно. В этой скорлупе он мог бы протянуть еще очень и очень долго, понял вампир, — пострадает лишь его рассудок. И он решил остаться в туманной форме — парить себе, как во сне, по ночам, а днем он все равно спит мертвым сном. Так он будет выжидать; когда же настанет срок — а срок этот настанет (чему-чему, а терпению жизнь в восемь сотен лет его научила), — он сделает свой ход.

5

Император Сан-Франциско

Два часа ночи. Обычно Император Сан-Франциско давно бы делал баиньки за мусорным контейнером, а королевская гвардия жалась бы к нему для тепла, и он бы храпел, как бульдозер с насморком. Но сегодня его подвела щедрость раба «старбаксовой» пены с Юнион-сквер — тот внес щедрую лепту в дело королевского комфорта: одарил Его Величество ведерком «мокаччино с праздничными специями», — и посему Император и два его спутника мотались неупокоенные в сей небожеский час по практически пустынной Маркет-стрит и дожидались завтрака.

— Это как крэк с корицей, — рек Император. Больше всего он напоминал не человека, а ходячий отопительный котел, шаркающий локомотив из плоти и крови в шерстяном пальто. Лицо его напряженно пылало в обрамлении серой бури волос и бороды — такие можно отыскать лишь у богов и безумцев.

Фуфел, меньший королевский гвардеец — бостонский терьер, — фыркнул и мотнул головой. Густой кофейный бульон и он отведал — и теперь готов был надрать задницу любому грызуну или сэндвичу с пастрами, что перейдут ему дорогу. Лазарь же — обычно более спокойный боец, золотистый ретривер, — скакал и подпрыгивал под боком у Императора, словно означенный бок вот-вот прольется дождем из уток. Кошмар этот у ретриверов никогда не проходит.

— Умерьте пыл, господа, — отчитал их Император. — Воспользуемся ж сей злосчастной нашей бдительностью и хорошенько исследуем град менее неистовый, нежели он представляется взорам нашим днем, — и пойдем, где может пригодиться наша служба. — Император полагал, что первым долгом любого вождя должно быть служение слабейшим его подданным, и посему тщательно следил за городом вокруг: не завалился бы кто в какую-нибудь трещину и не потерялся бы там. Он явно был псих. — Спокойствие, добрые мои гвардейцы.

Но спокойствие никак не наступало. В воздухе висел густой кошачий аромат, а гвардия явно перебрала с явой. Лазарь разок гавкнул и ринулся вперед по тротуару, за ним по пятам — его пучеглазый собрат по оружию, и эта пара обрушилась на темную фигуру, что лежала, съежившись вокруг картонной таблички в скверике у Бэттери-стрит — прямо под массивной бронзовой статуей, изображавшей четверых мускулистых мужчин, работающих на штамповочном прессе. Императору всегда казалось, что это четыре парня помогают скрепкосшивателю.

Фуфел и Лазарь обнюхали человека под памятником — они были убеждены, что где-то в своих лохмотьях он прячет кота. Когда один холодный нос наткнулся на руку, Император увидел, что бродяга шевельнулся, и вздохнул с облегчением. Присмотревшись, он признал в человеке Уильяма с Огромным Котом. Знакомство их было только шапочным — из-за расовой напряженности между собачьими и кошачьими их спутниками в настоящую дружбу оно так и не переросло.

Император встал на колени на картонку бродяги и потряс его за плечо.

— Уильям, просыпайся. — Тот застонал, из кармана его пальто выскользнула пустая бутылка «Джонни Уокера — Черной этикетки». — Упился вусмерть, должно быть, — произнес Император, — но, по счастью, жив.

Фуфел хныкнул. Где же кот?

Император подпер Уильяма о бетонный постамент памятника. Уильям замычал.

— Его нету. Нету. Нету. Нету.

Император подобрал бутылку из-под скотча и понюхал горлышко. Да, скотч в ней был совсем недавно.

— Уильям, она была полная?

Тот схватил с тротуара свой картонный знак и прислонил к своим коленям.

— Нету, — произнес он. На табличке было написано: «Я БЕДЕН, А КТО-ТО СПЕР МОЕГО ОГРОМНОГО КОТА».

— Мои глубочайшие соболезнования, — сказал Император. Он собирался уточнить у Уильяма, как ему удалось добыть квинту скотча высшего качества, но тут услышал долгий кошачий вой — он эхом разнесся по улице. Император поднял голову — к ним приближался огромный бритый кот в красном свитере. Фуфела и Лазаря вовремя удалось поймать за шкурки, и они на кота не кинулись. Император оттащил их от Уильяма. Огромный кот запрыгнул хозяину на колени, и пара слилась в пьяных объятьях по полной программе — с большим количеством мурчания, детского лепета и слюней. Хватило, чтобы Императора от такого зрелища слегка замутило.

Отвернуться пришлось даже королевской гвардии — бойцы инстинктивно осознали, что за лицемерие сентиментального и бритого огромного кота в красном свитере им вряд ли прибавят жалованье. Песью протокола для таких случаев просто не существовало, и гвардейцы принялись нарезать круги по тротуару, словно бы в поисках хорошего места, где можно притвориться спящими.

— Уильям, мне сдается, кто-то побрил твоего кота, — сказал Император.

— Этот кто-то, видимо, — я. — Из-за угла памятника вывернул Томми Флад, чем напугал всех до ватных коленей. Из-за того же угла высунулась бледная изящная рука, схватила Томми за воротник и дернула, как тряпичную куклу.

— Томми? — успел крикнуть Император. Его Императорская Величина обошла бетонный надолб искусства, а Фуфел и Лазарь кинулись по улице к набережной, словно только что заметили, как туда поскакал особо привлекательный стейк из филейной вырезки, и происшествие это нуждается в тщательном расследовании. За углом Император обнаружил своего друга, писателя Ч. Томаса Флада — его крепкой хваткой держала его же подруга Джоди Страуд, вампириша. Одной рукой зажимала ему рот, а костяшками другой в педагогических целях неистово втирала ему в голову здравый смысл. При всяком акценте из головы раздавался глухой стук, а Томми испускал приглушенные крики.

— Джоди, я должен настоять, чтоб вы этого молодого человека выпустили из рук, — настоял Император.

Она повиновалась. Томми вывернулся.

— Ай! — сказал он в полный голос, потирая макушку.

— Извини, — произнесла Джоди. — Не справилась с собой.

— Мне показалось, вы собирались покинуть город с тем извергом, — сказал Император. Вместе с королевскими гончими и бригадой грузчиков из «Безопасного способа» он участвовал в битве со старым вампиром, имевшей место на акватории Яхт-клуба имени Святого Франциска.

— Ну-у... да, само собой. Он уже уехал, а я собираюсь его догнать в дороге, — ответила Джоди. — Я же обещала инспектору Ривере. Но перед отъездом мне хотелось убедиться, что с Томми все будет хорошо.

Императору Джоди нравилась, и он был несколько разочарован, когда выяснилось, что она — изверг-кровосос. Что ее не портило — она по-прежнему оставалась очень приятной девушкой, всегда щедро одаривала гвардию гостинцами, хотя у Фуфела при ней всякий раз начинался припадок тявканья.

— Что ж, мне кажется, этого будет довольно, — рек Император. — Судя по всему, нашему юному писателю не повредит присмотр взрослых, прежде чем его можно будет выпускать в Город.

— Эй, да нормально у меня все, — сказал Томми.

— Ты побрил кота, — педантично отметил Император, вздев неукротимую свою бровь, похожую на серую белку с ирокезом.

— Я... э-э, мы его проверяли. Хотели убедиться, может, мне кота стоит завести после того, как Джоди уедет. — Он посмотрел на подругу, и та бодро закивала, пошире распахнув глаза и стараясь в то же время выглядеть очень искренней. — А... а... — продолжал меж тем Томми, — а я как раз жевал резинку, понимаете, ну, такую, из которой здоровенные пузыри надуваются, ну и... в общем, короче говоря, я и понять ничего не успел, а Чет кинулся на один такой пузырь и весь в нем перемазался.

Джоди перестала кивать и немо воззрилась на него.

— И ты его побрил, — закончил Император.

Теперь уж Томми настал черед кивать и смотреться очень искренне.

— К сожалению.

Джоди опять закивала.

— К сожалению, — эхом повторила она.

— Понимаю, — рек Император. Выглядели они и впрямь очень искренне. — Ну а свитер — это с вашей стороны заботливо.

— Я придумала, — сказала Джоди. — Знаете, чтоб не простудился. На самом деле свитер — мой. Томми его постирал и сунул в сушилку, поэтому мне он теперь маловат.

— И не думайте, что кота таких размеров легко одеть в свитер, — сказал Томми. — Это как клубок колючей проволоки наряжать. Я весь порван на тряпки. — И он закатал рукав — показать, как именно. Рука ни в малейшей степени тряпки не напоминала, разве что была чересчур бледна.

— Что ж, ты отлично постарался, — сказал Император и попятился. — Мы с гвардией тогда, пожалуй, пойдем.

— Вам с бойцами что-нибудь нужно, Ваше Величество? — спросила Джоди.

— Нет-нет, нам сегодня вечером очень повезло. Просто исключительно повезло, можно сказать.

— Ну тогда удачи, — сказала Джоди.

Император задним ходом вырулил за угол и двинулся по улице вслед за гвардией. «Она может быть обманчиво приятна для кровопийцы и посланца зла», — думал он на ходу.

Фуфел и Лазарь в четырех кварталах от него почти совсем скрылись из виду. Они все поняли, мерзавцы. Императора тошнило от себя — он оставил Уильяма на милость извергов. Нипочем не угадаешь, что они могут сделать, эта парочка, но у Императора по позвоночнику бегали мурашки, и повернуть назад он просто не мог. А может, бедного Уильяма и не тронут. В конце концов, при жизни они были славными детками, что один, что вторая. И даже в нынешнем своем состоянии Джоди являла некоторое милосердие — Томми обратила только сейчас, а не раньше. Император же отвечал за весь Город, и бремени этой ответственности с себя ни на миг не слагал.

До «Безопасного способа» в Марине путь был не близок, но дойти нужно до рассвета, чтобы застать там ночную бригаду грузчиков. Хоть все они и плуты, но только у них в этом городе есть опыт охоты на вампиров.

— Укуси его, — сказал Томми. Он стоял над мужиком с огромным котом — тот опять отрубился под памятником.

Джоди покачала головой и содрогнулась.

— Грязный. И не говори мне, что он ничем не пахнет. — Став вампиром, Джоди до тошноты не принимала только настоящую еду, а иначе ее не мутило. Но теперь могло и стошнить, хотя внутри ее грыз голод.

— Вот, я почищу немножко. — Томми достал из кармана куртки салфетку, послонявил и протер участок на шее Уильяма. — На. Давай.

— Буэ-э.

— Я кусал кота, — сказал Томми. — А ты сама сказала, что проголодалась.

— Но он же вдрызг, — сказала Джоди, переминаясь мелкими шажками на месте, точно маленький ребенок, которому невтерпех.

— Кусай.

— Хватит мне это повторять. Я про это так не думаю.

— А как ты про это думаешь?

— Я вообще про это не думаю. Это во мне животное.

— А, понимаю, — сказал Томми. — Кусай, пока не заявила полиция и его не увезла. Тогда ты упустишь возможность.

— Фёууу, — произнесла Джоди и опустилась на колени перед Уильямом. Огромный кот Чет глянул на нее с хозяйских колен, затем опустил голову и вновь закрыл глаза. Потеря крови улучшила его характер. Джоди повернула голову бродяги набок и чуть откинулась, широко открыв рот. Клыки выдвинулись на позицию. Джоди закрыла глаза и впилась.

— Видишь, как все просто, — произнес Томми.

Джоди злобно посмотрела на него, не отрываясь. Дыхание хрипло вырывалось у нее из носа. Кормясь, она думала: «Надо было стукнуть его сильнее». Наконец, осознав, что ей пока хватит, а мужик с огромным котом не умрет, она оторвалась, села и посмотрела снизу на Томми.

— У тебя немножко... — Томми показал на уголок ее рта.

Джоди вытерла губы рукой — осталось немного помады и немного крови. Посмотрела на шею Уильяма. Та вся была грязно-серой, а один белый участок окантован губной помадой. Укусы ее клыков уже затянулись, но вот помада не потускнела — она выделялась на шее, будто мишень. Джоди протянула руку и стерла след, а руку вытерла о свитер огромного кота. Чет замурлыкал. Уильям храпел. Джоди выпрямилась.

— Ну и как? — спросил Томми.

— А ты как думаешь? Необходимо.

— То есть, когда ты *меня* кусала, это была как бы такая любовная игра.

— Ну да, — рывкнула Джоди. — Я все это придумала, потому что хотела поебаться с мужиком и его огромным котом. — Голова у нее почему-то немного кружилась.

— Извини. Надо убрать его с Маркет-стрит, — сказал Томми, — пока его не ограбили или не арестовали. Деньги-то у него должны были остаться. Если б он пропил все, он бы умер.

— А тебе не все равно, писатель? Ты выбрил и выпил его кота. Или то была тоже любовная игра? — Нет, голова совершенно точно кружится.

— То было взаимное...

— Ох, херня на постном масле. Сам его укуси — поймешь тогда, насколько это сексуально. Попробуй земной гемоглобиновой благодати, Томми. Не надо ссать, — сказала Джоди. Ну он же *ссыт*.

Томми шагнул от нее подальше.

— Ты напилась.

— А ты ссышь, — ответила Джоди. — Ссышь, ссышь, ссышь.

— Лучше помоги мне, берись за ноги. Через дорогу у Федерального резерва козырек над нишей есть. Там и проспится.

Джоди нагнулась к ногам мужика, но они, похоже, шевельнулись у нее из-под рук, а когда она пальцами погналась за ними — промахнулась и упала лицом вниз. Но успела подставить руки, поэтому оказалась на четвереньках, попой вверх.

— Ага, здорово получилось, — сказал Томми. — Давай ты лучше возьмишь Чета, а я мужика сам донесу?

— Как скажешь, мистер Ссыкунишка, — ответила Джоди. Ну, может, она чуточку подшофе. В прежние, довампирские времена она старалась и близко к спиртному не подходить, ибо в какой-то момент выяснилось, что она — пьянчуга несносная. Ну, по крайней мере, ей так говорили бывшие подруги.

Томми взял на руки огромного кота Чета и протянул Джоди. Тот завожился у него на руках.

— Бери.

— Ты тут совсем не главный вампир, — ответила Джоди.

— Прекрасно, — отозвался Томми. Чета он сунул под мышку, после чего одним движением другой руки подхватил хозяина огромного кота и закинул себе на плечо. — Осторожней иди через дорогу! — крикнул он Джоди и двинулся на другую сторону.

— Ха! — ответила Джоди. — Я тонко настроенный и отлично сработанный хищник. Я супертварь. Я... — В тот же миг она лбом столкнулась с фонарным столбом, тот звонко лязгнул — и вдруг оказалось, что она лежит на спине и смотрит на фонари в небе, а те, сволочи, так и норовят расплыться.

— Я сейчас за тобой вернусь! — крикнул Томми.

«Какой же он все-таки милый», — подумала Джоди.

6

Познают ли Животные синий?

Из всех Животных в «Безопасном способе» остался только Клинт. Высокий, с непокорной темной шевелюрой и в толстых очках в черепаховой оправе, обмотанной медицинским пластырем. С его лица не сходило глубоко паническое выражение. Он уже почти неделю пытался поддерживать в магазине порядок, а помогали ему всего два грузчика из дневной смены да один временный, из агентства. Даже Густаво, мексиканец с пятью детьми, отвалил вместе с остальной бригадой. Теперь же пришел фургон с просто огромной поставкой, и Клинт знал, что ему нужны профессионалы. Он набрал номер Томми уже в пятый раз за ночь. Сейчас четыре утра, но Томми — их Неустрашимый Вождь, бригадир и, вероятно, лучший игрок в кегли замороженными индейками, какого только видывал свет. Он знал, что означает быть Животным. Он не должен спать.

В ответ бибикнула машинка. Клинт произнес:

— Чувак, все слиняли. Мне нужна твоя помощь. Тут сегодня один я, какие-то временные и Господь Бог. — После пяти лет жизни в дымке наркотических веществ он не так давно вернулся в лоно христианства. И поклялся, что Господь всегда будет в его ночной бригаде. — Они еще не вернулись из Вегаса. Позвони мне. Нет, лучше захвати макетник и сразу приезжай на работу. Меня тут погребло.

Некогда их было девять, и они звались Животными. Девять мужиков, всем до двадцати пяти — их на всю ночь оставляли в продуктовом магазине под надзором одного лишь Томми. Животными их окрестил дневной управляющий — однажды утром он обнаружил их пьяными: они болтались на огромных буквах вывески на крыше и кидались друг в друга зефиринками. Томми завербовал их сражаться со старым вампиром. Они отыскиали этого изверга — тот спал в стальном гробу на борту своей яхты. Кроме того, они обнаружили его коллекцию шедевров искусства. Распродав ее с прибылью, каждый огреб себе по сотне тысяч долларов. Томми отправился с Джоди домой, Клинт поехал молиться за вампирскую душу, Саймона убили. Остальные Животные отчалили в Лас-Вегас.

Клинт повесил трубку и со всему маху уселся в кресло управляющего. Слишком велика такая ответственность. Ее бремя сведет его с ума. Уже сейчас Клинт слышал, как в голове у него лают собаки.

— Парадная дверь! — крикнул ему один временный через выгородку кабинета.

Клинт встал и увидел за стеклом скользящих дверей Императора и его псов. Схватил ключи, отрубил сигнализацию и открыл. Бостонский терьер прошмыгнул мимо и опрометью нацелился к витрине с вяленой говядиной.

— Ваше Величество, — сказал Клинт. — Вы запыхались.

Отдуваясь, здоровенная королевская особа держалась за грудь.

— Трубите сбор всем войскам, молодой человек. Ч. Томас Флад обратился в изверга-кровососа. К оружию, мы должны броситься на прорыв.

— Тут только я со щеглами, — ответил Клинт. — Как вы сказали? Томми — вампир?

— Именно. Я видел его, и двух часов не миновало. Бледен как смерть.

— Н-да, это скверно.

— Ваш талант утверждать очевидное непревзойден, молодой человек.

— Заходите. — Клинт шагнул вбок, впуская Императора. — По этому поводу нам нужно помолиться.

— Ну, для начала — хотя бы, — рек Император.

— А потом я должен позвонить Томми и сказать, что на работу он может не приходить.

— Великолепно, — произнес Император без единой нотки сарказма. — Полагаю, мы вышли на новый уровень обреченности.

— Ты всегда со мной хорошо обращаешься, — сказала Джоди.

— Ну, стараюсь же, — ответил Томми.

Он поднимался по узкой лестнице в студию. Джоди висела у него на плече, при каждом шаге стучаясь лбом ему в ремень. Такая легкая. Томми по-прежнему изумляла его новообретенная сила. Он уже пронес Джоди десять кварталов, а тяжесть не чувствовалась вообще. Ну, разве что он немного устал ее слушать, но физически совершенно не утомился.

— Иногда я бываю такая тварь.

— Это неправда, — сказал Томми. Хотя вообще-то правда.

— Вообще-то правда, правда. Я она. Иногда я полная сука.

Томми остановился на верхней площадке и сунул руку в карман за ключом.

— Ну разве что самую малость, но...

— Ах так я, значит, сука? Ты утверждаешь, что я сука?

— Ох, господи, это солнце встанет когда-нибудь уже или нет?

— Слушай, тебе повезло, что я у тебя есть, ссыкун.

— Да, я он, — ответил Томми.

— Правда, что ли?

Томми водрузил ее на ноги — и тут же поймал, пока она не успела воткнуться носом в стену. На лице у нее бродила широкая дурацкая ухмылка. Вечером в какой-то миг ей на блузку попала кровь, губы тоже еще в крови. У Джоди был такой вид, словно ее отправили в нокаут. Томми попытался вытереть ей губы большим пальцем. Джоди на него дохнула перегаром так, что он поморщился.

— Томми, я тебя люблю. — И она обмякла у него в объятиях.

— И тебя туда же, Джоди.

— Извини, что я тебе по голове стучала. Я же, знаешь, только учусь свою силу обуздывать.

— Все в порядке.

— И что назвала тебя ссыкуном.

— Не бери в голову.

Джоди лизнула его в шею, слегка куснула.

— Давай займемся любовью, пока солнце не взошло.

Томми оглядел через плечо, какой разгром они учинили в студии в последний раз, когда этим занимались, и произнес такое, чему бы никогда не поверил сам. И он это говорит?

— По-моему, мне сегодня уже хватит. Может, лучше просто рухнуть?

— Ты считаешь, что я жирная?

— Нет, ты идеальна.

— Все потому, что я жирная. — Джоди отпихнула его и ввалилась в спальню, где споткнулась и свалилась ничком на изодранные остатки постели. — И старая, — добавила она. Томми это разобрал лишь обостренным вампирским слухом, ибо Джоди говорила с матрасом. — Жирная и старая, — уточнила она.

— От таких перепадов настроения, Рыжая, сама потом будешь мучиться, — тихо сказал Томми, укладываясь с нею рядом и не раздевшись.

А потом просто лежал рядом и думал обо всем, что им нужно сделать: найти новое жилье и переехать туда, но не днем, а кроме того, как им вообще жить дальше, чтоб было как можно незаметнее? Император все понял. Томми понял, что Император понял. Как бы Император ему ни нравился, это нехороший знак. Поэтому лежал вот так, беспокоясь, слушая, как на него орет друг, Ч. Томас Флад стал первым в истории человечества вампиром,

который на самом деле молился, скорей бы взошло солнце. Через несколько минут на его молитвы ответили. Солнце взошло, и они оба отключились.

Став вампиром, Джоди возненавидела это — как в сумерках, едва зажигаются фонари, у нее включается сознание. Без обалделого полумрака в мозгах между сном и бодрствованием, только — бам! добро пожаловать в ночь, вот твой список дел. Но сегодня было не так. Сегодня все было на месте — и сумерки сознания, и обалделость, и головная боль. Она села на кровати так быстро, что едва не кувырнулась с конца, но голова, похоже, за нею не потянулась, и она поэтому снова легла. С такой силой, что под затылком взорвалась подушка, и по комнате закружила метель пуха. Джоди застонала, и в комнату заскочил Томми.

— Эгей, — сказал он.

— Ой-ёй, — произнесла Джоди, схватив лоб обеими руками, словно чтоб мозги не выпали.

— Что-то новенькое, да? Вампирский бодун? — Томми разогнал в воздухе пух и перья у себя перед носом.

— У меня внутри будто смерть разогрели, — сказала Джоди.

— Это мило. Спорим, тебе сейчас не хватает кофе.

— И аспирина. Но я же пила у тебя, когда ты пил. Почему тогда так не действовало?

— Мне кажется, в крови у мужика с огромным котом было поболее, чем у меня. В общем, есть теория. Проверить можно потом, когда тебе получшеет, а сейчас нам надо кучу всего переделать. Прикинуть переезд. Вчера ночью мне из магазина звонил Клинт. Хотел, чтоб я на работу вышел. Потом еще раз перезвонил, весь на нервах, и сказал, что на работу выходить не надо.

Томми воспроизвел ей сообщение. Дважды.

— Он знает, — сказала Джоди.

— Да, но откуда?

— Неважно. Знает.

— Блядь!

— Чуть потише бы, а? — произнесла Джоди, держа себя за волосы так, словно они ее пытали.

— Слишком громко?

Она кивнула.

— Запиши себе в блокнот, Томми, ладно? Вампирские чувства с перепою? Паршиво.

— Серьезно? Прямо так плохо?

— От твоего дыхания меня тошнит через всю комнату.

— Да, нам пасты надо купить.

— К нам кто-то пришел? — Джоди прикрыла уши. Снизу доносилось оглушительное шарканье кроссовок по тротуару.

— Правда?

В дверь позвонили.

— Ну, — сказала она.

Томми подбежал к окну и выглянул на улицу.

— Там «Хаммер»-лимузин длиной в квартал.

— Лучше открой, — сказала Джоди.

— Может, спрятаться? Сделаем вид, что нас дома нет.

— Нет, нужно открыть. — Джоди слышала шарканье у дверей, в лимузине играл какой-то рок-н-ролл, булькал бонг, на футляре от компакт-диска выкладывали дорожки, а мужской голос снова и снова, как мантру, повторял: «Сладкие синие сисеньки». Джоди схватила

подушку, уцелевшую на стороне Томми, и завалила ею голову. — Открывай, Томми. Это, блядь, Животные.

— Чува-ак, — произнес Хлэст Джефферсон, жилистый черный парень со свежесбритым черепом и в зеркальных темных очках. Он вытянул Томми из дверного проема и неистово его обнял — так обнимаются все сбрендившие парни, которые рады друг друга видеть до того, что хлопают визави по спине. — Нам такой пиздец, чувак, — продолжил мысль он.

Томми оттолкнулся от него, пытаясь примирить радость от новой встречи со старым приятелем с тем фактом, что от Хлэста воняет писсуаром в пивной, набитым дохлой скумбрией.

— Я думал, вы все в Вегасе, — сказал Томми.

— Ага, ага — мы там и были. Все в лимузине. Мне просто надо с тобой поговорить. Можем зайти?

— Нет. — Томми чуть не сказал, что Джоди спит: такова была его отмазка в прошлом, чтобы не пускать Животных в студию, но теперь Джоди якобы уехала из города. — Давай на лестнице. Наверху у меня там кой-чего.

Хлэст кивнул, посмотрел на Томми поверх зеркалок и поиграл бровями. Глаза у него были налиты кровью и стеклянны. Томми слышал, как у него в груди колотится сердце. Кокаин или страх, решил он. Может, и то, и другое.

— Смари, чувак, — произнес Хлэст. — Во-первых, нам бабла надо занять.

— Что? У вас же у каждого по сто тысяч от шедевров.

— Ага, было. Мы круто выходные провели.

Томми прикинул в уме.

— То есть вы просадили больше шестисот тысяч кусков за сколько — четыре дня?

— Не, — ответил Хлэст. — Не все. Мы не совсем банкроты.

— Тогда чего ради занимать?

— Штук двадцать, не больше — продержаться до завтра, — ответил Хлэст. — К счастью, у меня почти магистерская по управлению бизнесом и безумная деловая хватка. Иначе мы б все просрали еще вчера.

Томми кивнул. Двадцать штук — это чуть ли не его зарплата в «Безопасном способе» за полгода. До сего момента почти магистерская степень Хлэста по бизнесу внушала ему робость. Теперь же его просто беспокоило, сумеет ли Хлэст определить, что он обратился. Он сказал:

— Так ты утверждаешь, что вам пиздец.

— Мы отлично справлялись — каждый просадил всего тысяч по десять, — пока не встретили Синию. — Хлэст с тоской посмотрел на потолок, словно туда упорхнуло далекое воспоминание, которое он желал вернуть, а не то, что произошло всего пару вечеров назад.

— Синию?

— Ну знаешь же эту компашку в Вегасе? «Синие люди»?

— А, там, где мужики красятся синим и лупят по трубам? — Томми как-то заблудился.

— Ну, — кивнул Хлэст. — В общем, выяснилось, что это не только мужики. По крайней мере, одна телка. И, чувак, сосет нас она досуха.

На заднем сиденье лимузина Синия прижимала лицо Барри к своему бюсту — плотно до того, чтоб можно было держать его под контролем, но и так, чтоб не задохнулся при этом. Пока прочие Животные пили, курили и еблись до ступора зомбаков — и теперь, соответственно, валялись распростертые по всему интерьеру лимузина, — Барри выбрал другой путь: накатил две дозы экстази, одну дорожку кокаина и выкурил бонг клейких макух. Мозг

его после этого закольцевался на некоем избыточном племенном распеве, и последние двадцать минут он твердил одно: «Сладкие синие сисеньки», — стоя голышом перед ней на коленях. Синия больше не могла, а потому схватила его за кудри, обрамлявшие лысину, и сунула лицом себе в ложбину меж грудей, лишь бы заткнулся. К счастью, он затих — душить его она не хотела, пока у него есть деньги.

Извилистая дорога из одних поворотов не туда ведет от млечнокожей принцессы чеддера из Фон-дю-Лака, штат Висконсин, к девушке по вызову синего окраса, что разводит клиентов в центральных казино Лас-Вегаса, но проклята будет Синия, если свернет не туда еще раз и придушит гусака, несущего золотые яйца, что расположился ныне меж ее пропорционально невозможных молочных желез, накачанных силиконовым счастьем. Животные были ее билетом на свободу, и если нужно не выходить из роли Инопланетной Боевой Единицы Удовольствий или кексика с голубикой, чтобы не спустить их с крючка, — что ж, она из нее не выйдет.

Синия работала шлюхой по системе Станиславского. Еще в начале своих приключений — уже после того, как она оставила разноску коктейлей ввиду склонности проливать напитки, но еще не занявшись стриптизированием, тоже оставленным по причине неумения держать равновесие, смягчавшегося наличием крепкого столба поблизости, — она сделала краткую карьеру в низкобюджетной порнухе. На съемках подружилась с многообещающей актрисой по имени Масса Вульва, и та подарила ей учебник русского режиссера.

— Если разовьешь эмоциональную память, — сказала ей Масса, — сможешь не блевать на актеров. Режиссерам такое очень не нравится.

С тех пор система Станиславского исправно служила Синии. Она теперь могла просчитывать шансы на выигрыш на тотализаторе или подводить баланс своей чековой книжки, а ее персонажица совершала действия, кои сама Синия сочла бы неприятными или, прямо скажем, отвратительными. Куда лучше, в конце концов, обретаться в эмоциональной памяти начинающей принцессы чеддера, от всей души выдаивая струи целительного молока из сосцов голштинки, нежели видеть у себя перед носом нелицеприятно высвеченную реальность собственных действий, нет?

Через полгода Синию вынудил уйти из киноиндустрии некий «дефект», который один режиссер определил как «сиськой и стопку не наполнишь». Никакими дозами системы Станиславского такого не поправить. Синия вернулась в официантирование — хоть и в стрип-клубе. Там ей редко приходилось донести больше одного десятидолларового стакана пива за раз. Зато удалось скопить денег на усовершенствование бюста, и она добралась до шеста. С двадцати до тридцати она протанцевала, пока со сцены ее не согнали девушки помоложе, не настолько подверженные силе тяготения. Поскольку в старших классах она прогуливала уроки машинописи и тем испортила себе трудовую биографию, пришлось устроиться в службу сопровождения.

— Такое чувство, будто минеты развозишь, как пиццу, — жаловалась Синия своей соседке по квартире. — Удовлетворение за двадцать минут или меньше — иначе вернем деньги. Агентство все равно забирает почти всю выручку. С такой скоростью я никогда не выйду из дела.

— Тебе нужна изюминка, — посоветовала соседка — официантка из «Венецианца». — Как у тех ребят из «Синих людей». Честное слово, не перекарачься они в синий, так и были бы просто студентами из общаги, которые по мусорным бакам колотят.

Так все и началось. Падшая принцесса чеддера из Фон-дю-Лака, Висконсин, отыскала полунесмыываемый синий краситель кожи, открыла депозитные счета на своих кредитных карточках, сделала несколько фотоснимков, разместила объявления во всех городских бесплатных дровичлиных газетках — и Синия родилась. Нет, она бы не голодала, конечно, и без изюминки — большинство мужиков и змею трахнут, лишь бы кто подержал, чтоб не

дрыгалась. Но выяснилось, что все готовы платить очень много сверху за такую экзотику — синюю женщину.

Работала она столько, сколько выдерживала, и сбережения выросли до того уровня, с которого она уже видела возможность выхода в отставку. Но примерно тогда же Синия сообщила: посинев, она прососала заветнейшую мечту любой шлюхи, стриптизерши и телемаркетера — богатенького буратину, который увезет ее от этого всего. Акулу, которая спустит целое состояние лишь на то, чтобы она стала его ручной зверушкой. А синей птичке ничего особо не обломится — так она, по крайней мере, считала, пока Животные не выписали ее на гибрид стриптиза и еблефеста. Откуда у них столько денег, значения не имело. Значение имело количество — и они, похоже, намеревались все отдавать ей, покуда деньги эти не закончатся. У нее в косметичке уже лежало почти полмиллиона долларов, и Синия — то есть *героиня* Синии — мирилась со множеством знаков внимания Животных в то время, как *сама* Синия таилась где-то в глубине сознания и прикидывала стратегию капиталовложений. Все началось с того, что высокий и самый костлявый из них — Дрю — открыл дверь номера отеля и сказал:

— Привет. Мы тут обсудили и пришли к выводу, что в раннем детстве нам всем очень хотелось заправить настоящему смёрфу³.

— Мне это многие говорят, — ответила Синия.

— Нам просто хотелось заправить смёрфу, — сказал Хлэст.

— Объяснимо, — ответил Томми.

— Она очень приятная, — сказал Хлэст.

— Для шлюхи это важно, — сказал Томми.

— А теперь мы, похоже, не можем слезть.

— Так от меня вы чего хотите — интервенции?

— Нет, ты наш Неустршимый Вождь. Мы приходим к тебе за всем. Теперь мы хотим, чтобы ты дал нам денег, и мы бы продолжили веселуху, но еще бы хватило на квартплату и прочее.

— А когда у *меня* все деньги кончатся, тогда и можно вмешаться, так?

— Ну да, если сочтешь нужным, — ответил Хлэст. — Как у тебя с кредитом?

— Хлэст, ты обдолбан?

— Конечно.

— Ну да. Еще бы. Чего это я? — Томми несколько расслабился насчет Хлэста — тот мог и не заметить, что Томми вампир. Бывшие ночные грузчики универсального магазина «Безопасный способ» явно не только на рогах — они еще и без мозга. — Хлэст, у меня нет твоей магистерской по бизнесу почти в кармане, но не нарушаешь ли ты какой-то основной принцип ведения дел? То есть разве вас в школе не учили, что не стоит тратить квартирные деньги на шлюх и прочее?

— Не дави на газ, Флад, — ответил Хлэст. — Ты с вампиршей связался.

— Она была хорошенькая.

— Для вампира это важно, — сказал Хлэст и поглядел на Томми поверх зеркальных очков.

— Она мне дала, — парировал Томми. Он хотел сказать, что Джоди была приятная, но Хлэст уже употребил это слово к своей синей шлюхе.

— По-моему, я точно выразился, — сказал Хлэст. — Давай деньги.

³ С мёрфы (они же штрумпфы) — мелкие сказочные существа синего цвета, придуманные бельгийским художником Пейо (Пьером Кюллифором, 1928–1992) в 1958 г.

— Ты вообще не выразился. Совсем никак — ни точно, ни иначе. — Томми чуть отодвинулся, чтобы двинуть Хлэста в грудь, как это обычно проделывали друг с другом все Животные, но вовремя вспомнил, что теперь он запросто может пробить дружбану грудную клетку. Вместо этого он сказал: — Не заставляй меня пробить тебе грудную клетку, сцуко.

— Твое рыжевампирское кунг-фу — ничто перед устрашающим кунг-фу наших синих сисек. — И Хлэст закудаhtал с подвывом, принимая бойцовскую стойку, замахал руками, как крыльями, но не удержался и брякнулся задницей на ступеньки. Хохотал он, пока не подавился. Потом прокашлялся и сказал: — Серьезно, чувак. Если ты не дашь нам денег, мы совсем обанкротимся часов через шесть. Я все подсчитал.

— Можно вернуться на работу, — сказал Томми. — Вчера ночью мне Клинт звонил. В магазине их завалило. Им нужны ночные грузчики.

— Не? — Хлэст аж очки опустил.

— Ну.

— Значит, нас не уволили?

— Очевидно, нет, — ответил Томми.

— Тогда все. Мы можем вернуться на работу. Так ей и скажем. Нам надо на работу.

— А почему вы не прогнали ее, пока она вас не отымела от Лас-Вегаса до сюда?

— Грубить не хотелось.

— А, ну да. Тогда вали.

Хлэст с трудом поднялся на ноги и схватился за перила — чтобы поровнее заглянуть Томми в глаза и не сбить прицел.

— Ты как вообще? Что-то бледный.

— У меня разбито сердце и прочая херня, — ответил Томми. Ему стало противно, но налитые кровью глаза Хлэста, глядевшие поверх зеркалок, вообще-то пробудили в нем аппетит.

— Само собой. — Хлэст вышел в пожарную дверь.

Томми посмотрел, как он дошел до задней дверцы лимузина, а там вновь повернулся.

— Хочешь синей няшки взбодриться? — спросил Хлэст. — Мы угощаем.

— Не, мне нормально, — ответил Томми.

— Все за одного и все дела, — сказал Хлэст.

— Ценю, — пожал плечами Томми. — Но сердце разбито.

— Лады. — Хлэст распахнул дверцу, и на тротуар в туче травяного дыма выкатились еще двое Животных — Дрю и Трой Ли.

— Блядь, чувак. А ты знал, что тут есть дверь? — осведомился Дрю, тощий и подержанный.

— Ты гля, — произнес Трой Ли — азиат, действительно умеющий кунг-фу. — Да глянь же, это Неустрашимый Вождь.

— Езжайте на работу, — сказал Томми. — Пока только семь. Успеете просохнуть к смене в одиннадцать. — «Ни в жисть», — мысленно добавил он.

— Ага, точно успеем, — сказал Хлэст, заглядывая в лимузин. — Эй, Барри, слазь с нее, мудоеб, я за тобой занимал, а потом очередь Джеффа. Я же все расписал на планшете. Синия, не разрешай ему так обращаться со своим ухом, детка, месяц потом им слышать не сможешь.

Томми закрыл пожарную дверь и с размаху сел на ступеньки. Уронил голову на руки, чтобы все немедленно прекратилось. То была его бригада, его друзья. Животные взяли его к себе, когда ему некуда было податься в этом городе, сделали своим бригадиром, а если он правильно истолковал тон Клинта в последней записи на автоответчике, часа через четыре, когда доедут до магазина, все они обратятся против него.

7 Список

Пока Джоди была в душе, Томми составил список.

Кормежка
Стирка
Новая квартира
Зубная паста
Сочная мартышечья любовь
«Виндекс»
Избавиться от вампира
Клеврет

— Зачем нам клевер? — спросила Джоди. Ей пока не вполне удалось собрать зрение в кучку.

— Клеврет, клевер, — сказал Томми.

— Левретка с клевером? А это зачем?

— Да клевер же! Приспешник, прихлебатель, который может как-то помогать нам днем. Как я для тебя был.

— А, шестерка.

Томми выронил список.

— Ну-у, нет уж.

Джоди подняла листок и подошла к кухонной стойке, где размещалась кофейная машина.

— Я б душу продала за большую чашку кофе.

— Я не был тебе шестеркой, — сказал Томми.

— Ну да, ну да, ну да. Без разницы. Так сколько у нас времени на этот список?

— Я проверил по календарю. Восход в 6:53, значит, есть часов двенадцать. У нас почти солнцестояние, поэтому тьмы будет много.

— Солнце... ох господи, уже ведь почти Рождество.

— И?

— Алло? А по магазинам?

— Алло? У нас есть отмазка. Мы мертвые.

— Моей маме это неизвестно. Я должна ей найти что-нибудь такое, что она бы не одобрила. А твоя родня...

— О боже мой! Рождество! Я же должен был домой приехать на праздники. Надо переписать список.

— Сам переписывай. Я пошла волосы сушить.

Новый список гласил:

Рождественские подарки
Позвонить домой
Кормежка
Клеврет (не шестерка)
Жаркая мартышечья любовь
«Виндекс»
Пописать литературу
Избавиться от жуткого старого вампира

Новая квартира
Стирка
Зубная паста

— Мне кажется, мартышечью любовь надо вычеркнуть, — сказала Джоди. — А вдруг мы потеряем список и его кто-нибудь найдет?

— Сдается мне, пункт «избавиться от жуткого старого вампира» смущает больше, нет?

— Ты прав. Мартышечью любовь вычеркивай, а «вампира» замени на «Илию». — Джоди постукала карандашом по списку. — И убери «Виндекс», а впиши «купить кофе».

— Мы ж не пьем кофе.

— Его можно нюхать. Томми, мне кофе нужен до зарезу. Это как голод по крови, только, понимаешь, чуть цивилизованней.

— Кстати, о крови...

— Ну да, передвинь кормежку в начало списка.

— И добавь бутылку виски. Ее тебе придется покупать.

— Извини, пис-сатель, но мы вместе этот твой дурацкий список выполняем.

— Мне еще спиртного не продают, я возрастом не вышел.

Джоди отшатнулась и содрогнулась.

— А, ну да. И впрямь.

— То-то же, — кивнул Томми, невинно тараща глаза.

— Тогда ладно. Блин, прежде чем выбирать себе шестерку, надо было документы проверить.

— Эй!

— Шучу. А что ты с бутылкой виски собираешься делать?

— Вычеркивать еще один пункт списка, — ответил Томми. — У меня есть мысль. Не забудь сумочку.

— А Животным вообще чего надо было?

— Двадцать штук.

— Надеюсь, ты им сказал, чтоб шли в пизду.

— Они уже в ней.

— А они заподозрили, что ты, ну... уже ты?

— Нет еще. Хлест сказал, что я что-то бледноват. Я их отправил в магазин. Если Клинт понял, ну...

— Отлично ты все разрулил. Может, еще лучше будет дать объяву: «Молодая пара вампиров ищет разъяренных селян, чтоб те их выследили и прикончили».

— Ха. Селяне⁴. Смешно. Впиши лосьон для автозагара. Мне кажется, меня выдает бледность.

В семь вечера за три дня до Рождества вся Юнион-сквер кишела покупателями. На возвышенной части площади выстроили деревеньку Санты, и в нее через лабиринт калиток для скота, оббитых красным бархатом, тянулась очередь детей и родителей человек в пятьсот. Вокруг площади широкие гранитные ступени усеивали уличные артисты, обычно заканчивающие в пять. Тут жонглер, там фокусник, полдюжины «роботов» — людей, раскрасивших себя золотином и серебрином: они механически дергались, когда кинут монетку или купюру. Даже пара человеческих статуй там была. У Джоди любимым был золотой парень в деловом костюме — он неподвижно стоял часами, словно замер на полушаге по пути на работу. В

⁴ «Селяне» (Village People, с 1977) — американская диско-группа, нацеленная на гей-аудиторию. Выступали в костюмах, отражающих стереотипы сексуальных фантазий.

«дипломате» у него была дырочка, в которую люди пихали деньги после того, как сфотографируют и попробуют заставить его моргнуть.

— Меня он раньше очень нервировал, — прошептал Томми. — А теперь я вижу — он дышит и аурой своей светит.

— Я как-то раз на него весь обеденный перерыв смотрела, и он так и не шевельнулся, — сказала Джоди. — А летом знаешь, какая мука, наверное, в золоте. — Ее вдруг передернуло — она вспомнила про Илию, старого вампира, по-прежнему заключенного в бронзу у них в студии. Да, он ее, само собой, убил, говоря строго, но так, что перед ней открылась новая дверь. И сколь бы странной дверь эта ни казалась, была она совсем рядом, живая и страстная. Конечно, сделал он это для собственного развлечения, как сам и признался, но еще и потому, что ему было одиноко.

Она сплелась рукой с рукой Томми и поцеловала его в щеку.

— А это за что?

— Потому что ты рядом, — ответила она. — Что у нас по списку первое?

— Рождественские подарки.

— Ниже.

— Жаркая мартышечья любовь.

— Ага, это можно устроить в витрине мастерской Санты в «Мэйсиз».

— Честно?

— Нет, не честно.

— Ладно, тогда нам нужно пойло.

Джоди выхватила список у него так быстро, что большинство людей вокруг и не заметило, как она шевельнулась вообще.

— Ты больше не главный по списку. Мы покупаем мне новую кожаную куртку.

«Я БЕДЕН, А КТО-ТО ПОБРИЛ МОЕГО ОГРОМНОГО КОТА». Уильям переписал себе табличку. На огромном коте Чете по-прежнему был красный свитер Джоди. На двух приближающихся вампиров кот смотрел весьма подозрительно.

Томми протянул Уильяму бутылку «Джонни Уокера».

— Веселого Рождества.

Уильям взял выпивку и быстро закурковал ее куда-то себе в пальто.

— Большинство просто дает деньгами, — сказал он.

— К чему нам посредники? — ответила Джоди. — Как вы себя чувствуете?

— Здорово, а что? Совсем, знаете, отлично, учитывая, что я бездомный, а вы побрили мне кота.

— Вчера вы здорово нарезались.

— Ну да, а сегодня мне отлично.

— На меня раньше тоже так действовало, — сказал Томми. — Это я помню. Как бы бодрит.

Джоди махнула Томми, чтоб не лез.

— И голова у вас не кружилась, ничего?

— Когда проснулся, был чутка похмелен, но пара чашек кофе — и все прошло.

— Блять! — Джоди аж сплюнула от досады. И приуныла.

— Спокойно. — Томми потрепал ее по плечу. — Доктор Флад спешит на помощь. Наверное.

Джоди зарычала, но так, чтобы слышал лишь Томми.

— А знаете, — сказал Уильям, когда поток пешеходов чуть поредел и ему больше не требовалось сосредоточенно внушать к себе жалость, — с наличкой у меня все хорошо, но

раз вы тут в рождественском настроении, я бы по-прежнему согласился глянуть на буфера рыжей.

— Выкуси, мешок торфа! — рявкнула Джоди и навалилась на Уильяма.

— Солнышко. — Томми поймал ее сзади за только что приобретенную красную кожаную куртку — на всякий случай. Если она свернет бродяге шею, нипочем не поймешь, удачная у него была мысль или нет.

— Я не потерплю, чтоб меня домогалась закуска.

— Съела что-нибудь не то? — Томми ухмыльнулся ей, когда она перевела на него взгляд, но огонь в ее глазах уже погас.

— Жаркую мартышечью любовь из своего списка можешь вычеркнуть, — сказала она.

— Ёксель, ну и мегера, — произнес Уильям. — У нее, что ли, ежемесячные?

Томми быстро подхватил Джоди на руки и понес за угол. Она ерзала и пыталась освободиться.

— Отпусти меня, я его не буду бить.

— Хорошо.

— Сильно.

— Я так и думал, — сказал Томми, не выпуская ее из хватки. — Давай-ка ты зайдешь в «Уолгринз», а я тут пока закончу с мужиком и его огромным котом.

Проходя мимо, разулыбалось семейство рождественских покупателей — сочли, видимо, что юная пара не стесняется своих телачьих нежностей на улице. Отец семейства прошептал супруге:

— Комнату б себе сняли. — Обычный человек бы даже не услышал. Но не Томми.

— Считай, повезло, старина, мы чуть не сделали это в витрине мастерской Санты. Жаркий и потный эльфийский секс — прямо перед детишками. Им бы это понравилось, да?

Отец опрометью погнал свое семейство прочь по улице.

— Мило, — сказала Джоди. — Так и нужно не выделяться.

— Ну ты же знаешь, люблю быть в форме. — Томми было всего девятнадцать, и, поскольку сексом он начал регулярно заниматься только после знакомства с Джоди, по-прежнему полагал, будто обладает неким тайным знанием, недоступным прочим людям. «Как они могут думать о чем-то другом?» — размышляла сокровенная часть его ума. — Спорим, он пахнет перечной мятой.

— Кто?

— Эльфийский секс.

— Ты не поставишь меня на землю?

— Ладно, только не бей мужика с огромным котом.

— Да все нормально. Встречаемся в аптеке через пять минут. Лучше, если у тебя все получится.

— Пять минут, — подтвердил Томми. — Корица. Может, корицей пахнет.

Бледная пара бродила по проходам «Уолгринза». Они отлично развлекались — презирали грубые аксессуары буржуазной культуры и вообще насмехались над условностями традиционной культуры. Они же, в конце концов, — элита. Они особые. Избранные, если угодно, — хотя бы по самой природе своей обостренной чувствительности и высшей чуткости. Оба претендовали на способность заглядывать за фасад, выстраиваемый большинством людей, и зреть самые глубины человеческой души. Однако странно, что не предусмотрели вот чего: прямо у них перед носами из-за угла вывернул парень во фланелевой рубашке.

— Давай у этих ребят спросим, — произнес Фланелевый. — Они похожи на героинчиков.

Джеред Белый Волк и Эбби Нормал попятились от витрины с подводкой для глаз, в которой они искали что-нибудь гипоаллергенное. У Эбби весь вечер слезились глаза, отчего текла тушь, а оттого образ ее больше склонялся к «грустному клоуну жизни», нежели она рассчитывала.

Джеред спрятался у Эбби за спиной — самую малость, но все равно неловко, ибо он был почти на фут выше ее. К парню во фланели из-за того же угла вышла красивая, бледная и рыжая женщина с грузом туалетных принадлежностей в руках. «Что за поразительные волосы, — подумала Эбби, глядя на длинные рыжие локоны. — Я б за такие что угодно отдала».

— Томми, оставь этих несчастных в покое, — сказала рыжая.

— Не, погоди. — Фланелевый с улыбкой повернулся к Эбби. — Ребята, вы не знаете, где они тут держат шприцы?

Эбби глянула на Джереда, который глянул на фланелевого парня.

— Ну, они просто так не продаются, — сказал Джеред. Он теребил кожаные ремешки своих бондажных штанов и смотрелся весьма кокетливо. Эбби шлепнула его по руке.

— На шприцы надо рецепты, — сказала она.

— Вы правда считаете, что я похож на героинового наркомана? — Джеред эффектно встряхнул челкой, ниспадавшей на лицо. Вся голова у него была выбрита — за исключением челки, спускавшейся до подбородка. Исключительно для того, чтобы ею можно было эффектно встряхивать. — Я собирался, ну типа, покачаться. Знаете, есть еду и все такое, но...

— Спасибо, понял, — ответил Фланелевый. Рыжая отошла от них по проходу. — Я вот как раз собирался попробовать героин, но раз шприцы не продаются, что ж. Пока, ребята. Зачетная майка, кстати.

Эбби опустила взгляд на свою футболку — разумеется, черную, с портретом поэта, взятым с гравюры девятнадцатого века.

— А вы, типа, знаете, кто это.

— «Она идет во всей красе, — процитировал Фланелевый, ухмыльнулся и подмигнул, — светла, как ночь ее страны»⁵. Байрон — мой герой. Пока-пока.

Он повернулся и пошел прочь. Эбби дотянулась и схватила его за рукав.

— Эй, по всему городу пункты обмена шприцев есть. В «Хранителе Залива»⁶ перечислены.

— Спасибо, — ответил Фланелевый. Опять отвернулся, но Эбби снова его схватила.

— Мы будем в «Стильном Кате» — там сегодня готы собираются. Пятисотый квартал по Четвертой улице. Я там знаю одного сбытчика. Ну, вам для героя же надо.

Фланелевый кивнул и снова посмотрел на портрет Байрона у нее на майке. «Ебать мои носки. Он *так* смотрит на мою растекшуюся тушь».

— Благодарю вас, миледи, — произнес Фланелевый. И пропал — в темных пустошах между стеллажами с тампонами.

— Это чего было, а? — заныл Джеред. — Он же такой... как из «Счастливых дней»⁷. — Джеред Белый Волк много времени проводил за просмотром «Ника по ночам» — если не в тягостных раздумьях и не в хлопотах из-за собственной внешности.

Эбби кинулась в полу черного пыльника Джереда и заколотила кулачками по его утлой груди.

— Ты что, не видел? Ты же не видел.

⁵ Из стихотворения (1814) английского поэта Джорджа Гордона Байрона (1788–1824), вошедшего в сборник «Еврейские мелодии» (1815), пер. С. Маршака.

⁶ The San Francisco Bay Guardian (1966) — бесплатный альтернативный городской еженедельник Сан-Франциско.

⁷ Happy Days (1974–1984) — американский комедийный телесериал об идеализированной жизни на Среднем Западе в 1950-60-х гг., создан режиссером и сценаристом Гэрри Маршаллом.

— Чего? Как ты полную шлюху лепила?

— У него были клыки, — сказала Эбби.

— Так они и у меня есть. — Джеред сунул руку в карман и вынул парочку идеальных вампирских клыков стоматологического качества. — Тю. Их сейчас все носят.

— Да, но у него они выросли! Я видела. Пошли. — И Эбби потащила Джереда Белого Волка за огромные лацканы, похожие на крылья летучей мыши. — Мне нужно переодеться во что-то пожарче перед клубом.

— Постой, я «Холлзов» хотел купить. У меня в горле саднит, мы вчера столько гвоздики выкурили.

— Скорей. — Пряжки черных сапог на платформе у Эбби звякали, когда она тащила своего друга мимо помад и средств для волос, чтобы он ими не успел заинтересоваться.

— Ладно, — сказал Джеред, — только если я сегодня не встречу никакого симпатичного парнишку, тебе придется сидеть со мной всю ночь и гладить меня по голове, а я буду плакать.

— Ты бы попробовала черную помаду, — сказал Томми, когда они с Джоди подходили к дому со множеством пакетов в руках. Он по-прежнему думал про парочку из магазина. Впервые с десятого класса ему пригодились знания поэзии романтизма. Он тогда какое-то время старался косить под трагического романтического героя — хмурился и пялился, стиснув зубы, перед собой, в уме сочинял мрачные стихи. Но выяснилось, что трагично смотреть в Недеержанье, штат Индиана, просто-напросто излишне, а кроме того, мама все время кричала на него, и он забывал рифмы. «Томми, если будешь так скрипеть зубами, — говорила она, — они у тебя сотрутся и придется носить вставные, как у тети Эстер». Томми же хотел только одного, как у тети Эстер, — бородку. Тогда можно было бы хмуро озирать вересковые пустоши и задумчиво ее поглаживать.

— Ага, — сказала Джоди. — Потому что мне нужно еще очевиднее подчеркнуть, что я нежить, которая пьет у живых кровь.

— По-твоему выходит очень мерзко.

— Нет, я в приятном смысле.

— А.

— Потому что дело ж вовсе не в том, что нас люди не поймут, узнав, что мы вампиры, потому что мы совершили промах и, ох, я не знаю, ОБНАЖИЛИ КЛЫКИ ПРЯМО ПОСРЕДИ, БЛЯДЬ, МАГАЗИНА.

Томми чуть не уронил пакеты. Об этом Джоди ничего не говорила весь вечер. Он надеялся, что она не заметила.

— Это случайно вышло.

— Ты назвал ту девчонку «миледи».

— На нее произвел впечатление мой Байрон.

— Ну да, еще бы — твой Байрон, вероятно, тоже немного торчал, нет?

— Все было не так.

— У тебя слюни текли. — Джоди остановилась у их пожарной двери и полезла в карман куртки за ключом.

Томми обошел ее.

— Я пока не привык. По-моему, у меня неплохо получается. Моя жуткая бледность, очевидно, поразила даму в пункте обмена шприцев. — Он сунул руку в пакет и вытащил веер стерильно упакованных одноразовых шприцев с колпачками.

— Поздравляю, теперь ты можешь работать под героинщика с положительным анализом на ВИЧ.

— *Très chic*⁸. — Томми ухмыльнулся, как, в его представлении, мог бы ухмыляться сексуальный итальянский мужчина-проститутка.

— ...который прилюдно пускает слюни, — добавила Джоди.

«Черт, на нее не действует моя ухмылка сексуального итальянского мужчины-проститутки», — подумал Томми. А вслух сказал:

— Не груби мне, я новенький. У меня губы не сходятся, если вылезают клыки.

Джоди повернула ключ и распахнула дверь. Там на площадке в отключке лежал Уильям, мужик с огромным котом, а на груди у него спал Чет — собственно огромный кот.

— Я тебе говорил, что получится, — сказал Томми.

Джоди шагнула к лестнице и закрыла за собой дверь.

— Давай ты первый.

Через пятнадцать минут, сложив пять шприцев с кровью в холодильник, Томми сказал:

— Все это вампирство будет здорово.

Кусая Уильяма, он призадумался — не просто пытаюсь оборотить в себе мысль о физической близости с настолько скверно пахнущим мужчиной, но и о близости с мужчиной вообще. Однако протерев шею Уильяма ваткой с медицинским спиртом, который они купили в аптеке, и утешив себя тем, что большинство вампиров в литературе все равно сексуально амбивалентны, Томми поддался голоду по крови.

Теперь ему было гораздо спокойнее — проблема еды решена. Ну, хотя бы на некоторое время. Если его друзья их не прикончат в ближайшую пару дней, ему, быть может, и понравится быть вампиром. Томми повернулся к Джоди — и нахмурился.

— Но никак не могу избавиться от мысли, что это, может, и неправильно — так пользоваться бездомным пьянчугой.

— Можно просто пойти на охоту и поубивать людей, — бодро ответила Джоди. У нее в углу рта осталась корочка подсохшей крови Уильяма. Томми лизнул себе большой палец и стер.

— Но мы, правда, подарили ему прекрасный свитер для огромного бритого кота, — сказал он.

— Я его очень любила, — сказала Джоди. — А кроме того, мы ему предоставляем теплую площадку для ночлега, — добавила она, сама нырнув в эту теплую кучу собачьих какашек — самооправданий Томми.

— А если каждый день брать будем понемножку, ему станет гораздо лучше. Мне же было отлично.

— И сами не сопьемся.

— Кстати, как ты себя чувствуешь? — спросил Томми.

— Лучше. Опохмелилась. Ты?

— Жужжит, как от пары пива, не больше. Хочешь, сейчас поэкспериментируем?

Джоди посмотрела на часы.

— Нет времени. Лучше завтра ночью.

— Ну да. Так, что у нас дальше по списку? Похоже, что жаркая мартышечья любовь.

— Томми, нам еще нужно найти дневного человека, чтоб нам помогал. Нам отсюда съезжать.

— Я думал про Аляску.

— Вот молодец, но нам все равно надо найти такое место, где нас не найдут ни Животные, ни инспектор Ривера.

⁸ Весьма шикарно (фр.).

— Нет, я думал, что нам стоит переехать на Аляску. Во-первых, зимой там темень по двадцать часов в сутки, и у нас будет масса времени. А кроме того, я где-то читал, что эскимосы кладут своих стариков на лед, когда тем приходит пора умирать. Люди будут просто оставлять нам закусь.

— Ты смеешься.

— Как порции эскимо? — Томми ухмыльнулся.

Джоди подбоченилась и уставилась на него, приоткрыв рот, словно ждала продолжения. Но его не последовало, и она сказала:

— Тогда ладно, пойду преобразусь.

— В волка?

— Переоденусь, трупный дух.

— Я ж не знаю. Может, ты научилась.

Томми считал Аляску прекрасной мыслью. Только из-за того, что Джоди на несколько лет старше, она постоянно ведет себя так, будто все его мысли — дурацкие.

— Но с Уильямом же получилось, — обиженно произнес он, складывая покупки.

— Это была хорошая мысль, — согласилась Джоди из гардеробного чулана.

И что теперь?

— Ну и про Аляску — неплохая.

— Томми, да на Аляске живет человек девять. Мы будем выделяться, не думаешь?

— Нет, там все бледные. У них почти весь год солнца не бывает.

Джоди вышла из чулана в своем маленьком черном платье и блядских туфельках «выеби-меня» с ремешками.

— Я готова, — сказала она.

— Ничего себе. — Томми сразу забыл, о чем они разговаривали.

— Как по-твоему — помада цвета красного «Феррари» будет чересчур?

— Нет, я обожаю твою помаду цвета красного «Феррари». — «Жаркая сочная мартышечья любовь», — думал он. Именно поэтому он и любил Джоди. Среди всех этих напрягов, даже в опасности — она все равно не жалела времени и заботилась о его чувствах.

Джоди приподняла руками груди, пока те чуть не вывалились из низкого декольте.

— Слишком?

— Идеально, — ответил Томми и пошел к ней с вытянутыми руками. — Даймне, даймне.

Но она пролетела мимо в спальню.

— Это не тебе. Мне надо идти.

— Нет, нет, нет, — воспротивился Томми. — Жаркая мартышечья любовь.

Пока он смотрел, застыв в дверях, Джоди накрутила помадой цвета красного «Феррари», посмотрелась на себя, нахмурилась и все стерла. Схватила с трюмо другой тюбик.

— Когда вернусь.

— Куда? — спросил Томми. Сексуальная фрустрация довела его до самых примитивных понятий.

Джоди повернулась к нему с новым слоем на губах. Свекольным.

— За твоим клевером.

— Только не в таком виде, ни за что, — сказал Томми.

— Так оно и работает, Томми. Я и тебя так же подцепила.

— Не-а, ты была одета в другое, когда мы познакомились.

— Это да, но ты же пошел за мной, потому что я тебя интересовала сексуально, нет?

— Ну да, с этого началось, но теперь у нас не только оно. — Так оно и было, но это ж не причина бросать его дома в половом возбуждении и вообще.

Джоди подошла к нему и обняла. Его руки скользнули в низкий вырез ее платья на спине. В штанах вдруг стало туго, а в небо изнутри давили клыки.

— Когда вернусь, — сказала Джоди. — Честно. Ты — мой парень, Томми. Я тебя выбрала своим парнем, навсегда. А сейчас я найду нам того, кто поможет переехать и будет нам все делать днем.

— Им просто захочется тебя трахнуть, а когда ты им не дашь, они обратятся против тебя.

— Необязательно.

— Еще как захочется. Ты посмотри на себя.

— Я разберусь, ладно? Я не знаю, как еще этим заниматься.

— Могли бы провесить объявление в «Список Крейга». — Так назывался веб-сайт объявлений, который люди завели в Районе Залива, и теперь работу, квартиры да и почти все, что угодно, в первую очередь искали там.

— Ничего никуда вешать мы не будем. Послушай, Томми, времени у нас меньше, чем того, что нужно делать. Приведи тут пока все в порядок и разберись со стиркой, а я найду нам клевера.

— Клеврета, — поправил он.

— Без разницы. Я тебя люблю.

«Вот сука! — Он был разгромлен. — Нечестно же».

— Я тоже тебя люблю.

— Я захвачу один одноразовый сотовый, что ты купил. Можешь мне звонить в любое время.

— Они же еще не активированы.

— Ну так и займись этим, дружок. Чем скорее я отсюда выйду и кого-нибудь найду, тем скорее вернусь к нашей жаркой мартышечьей любви.

«У нее совершенно никаких этических понятий, — подумал Томми. — Она чудовище. И все ж вот она: всего несколько лямочек платья — и голая».

— Ладно, — сказал он. — Только не наступи на огромного бритого кота.

После ее ухода миновало всего двадцать минут, а Томми уже решил, что уборка и стирка сосут. Клеврета он и сам найдет с таким же успехом, хоть и не сошлется отпадно в маленьком черном платье. Выходя из дому, Томми аккуратно переступил через Уильяма и Чета, чтобы не разбудить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.